

елена
ЧУМАКОВА

ГРОЗДЬ РЯБИНОВЫХ ЯГОД

16+

Елена Чумакова

Гроздь рябиновых ягод

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65822081

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95764-0

Аннотация

Деревенская девушка Настя встала перед выбором: спокойная жизнь в достатке с нелюбимым мужем или шаг в неизвестность с любимым, но – увы! – бедным парнем? Какая судьба ее ждет? Какую цену заплатит она за свое счастье? В основе романа судьбы реальных женщин, ровесниц двадцатого века, тех, на чью долю выпали войны, революции, голод, репрессии, на чьих плечах страна дважды поднималась из руин. Как они жили? Как любили? Как растили своих детей? Какими невероятными усилиями строили для них более счастливую жизнь? Эта книга – мой низкий поклон моей бабушке, Анастасии Павловне Халевиной и всем российским женщинам того горемычного поколения.

Содержание

Глава 1. Сватовство	4
Глава 2. Отцовское поучение	11
Глава 3. Мужняя жена	16
Глава 4. Побег	20
Глава 5. Георгий	25
Глава 6. Сладкая ягода	32
Глава 7. Совет да любовь	37
Глава 8. Новые жизни	43
Глава 9. Путешествие	49
Глава 10. Аргяш	55
Глава 11. Дуся	62
Глава 12. Горькая ягода	68
Глава 13. Пришла беда, отворяй ворота	75
Глава 14. Кизнер	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Елена Чумакова

Гроздь рябиновых ягод

Глава 1. Сватовство

Совсем недавно отгремели в Вятской губернии бои Гражданской войны. Привычный уклад жизни был разрушен, власть менялась, как погода весной: то белые, то красные, то бунт в Уржуме, то колчаковцы в Ижевске и Елабуге. Крестьяне не знали, кого больше бояться и на кого уповать. Потом голод накрыл черной тенью всю губернию, а следом по городам и селам поползла эпидемия тифа. Слухи, один страшнее другого, будоражили село Пустынники, затерянное в лесах и болотах Вятчины. К лету тысяча девятьсот двадцать второго года беда отступила, и люди, как птицы ранней весной, радовались, что выжили, что не бродят больше по лесам банды.

Ласковое августовское солнышко согрело каждую травинку на лесной опушке. Удивительно теплый для короткого северного лета день клонился к вечеру. Воздух был наполнен ароматами нагретой земли, полыни, свежескошенной травы. В березовой роще перекликались птицы, мирно стрекотали кузнечики в траве на косогоре. Словно стайка птах, расположилась отдохнуть у тропинки под рябинами возвращавшаяся

ся с дальнего покоса компания подружек.

Настенька, тоненькая невысокая девушка лет двадцати, отмахнулась недоплетенным венком от надоедливой пчелы, прислушалась к разговору подружек. Анята пересказывала то, что узнала от своего ухажера Мишки-комсомольца, какая жизнь начнется скоро в их селе.

– Ну, хорошо, скотину заберут в общий хлев, на подворьях горбатиться не станем, а кто же за ней ходить-то будет? – спросила Нюра.

– Кто-кто. Мы, все вместе. Кто-то пасет скотину, кто-то доит, кто-то чистит хлев, кто-то сено возит. Всем работы хватит, – горячилась Анята.

– Да работы-то всегда хватит, да чем детей кормить будем без скотины на подворье? – подала голос Маша. – Как жить без своего молочка, без яиц, без птицы, без огорода?

– Не помрешь, не бойсь. Каждому будут давать все, что хошь и сколько хошь. Только трудись – не ленись.

– Я не понимаю, зачем же, с темна до темна, бросив дом, работать на общем подворье? Чтобы мне там дали продукты, которые у меня сейчас свои есть? И просить ни у кого не надо.

– Ну, какие вы несознательные, – всплеснула руками Анята, – нельзя же только о себе думать, рабочих в городе тоже кормить надо. Они вон заводы для всей страны строят. Забыли, как в городах люди от голода на улицах мерли?

– Забудешь тут... Амбары в селе подчистую вымели. Лад-

но, скотину успели в лесу схоронить.

– А кто не успел, тот потом лебеду да крапиву ел, – вздохнула Акулина.

Настя, склонив русую головку над венком, думала о своем. Ей было не до кооперативов. Перед глазами стоял черноглазый парень, гармонист Георгий из соседнего села. От его улыбки, взгляда у нее кружилась голова. Вспомнила, как, спрыгнув сегодня со стога, угодила прямо ему в руки.

– Попалась, птаха? – усмехнулся Георгий, – не выпущу!

Настя вырвалась и убежала поближе к бабам. А самой так хотелось прижаться к его груди и затихнуть в кольце рук ...

– Ой, девоньки, глядите, едет кто-то, – вскочила на ноги Акулина.

С пригорка, на котором расположились девушки, родные Пустынники и дорога были видны, как на ладони. По дороге действительно пылила телега.

– Так это Крестьяниновы едут, – вглядываясь из-под руки, сказала Нюра,

– Вон Егор, вон тетка Марфа и дядя Терентий. Принаряжены... никак свататься едут!

Девушки, побросав венки, напряженно следили, в чей двор свернет телега. Акулина от волнения теребила тесемку сарафана. Егор ей нравился – хороший парень, молчаливый, работающий. Да и жили Крестьяниновы крепко, ей за счастье было попасть в такой дом из своей избушки, где семеро по лавкам. Но телега проехала мимо ее двора на околице,

миновала второй двор, третий...

– Ой, смотрите, к Шилиевым свернули! Настя, за тобой! – всплеснула руками Маша.

Настя выронила только что сплетенный венок, кинулась вниз по косогору в деревню, не разбирая дороги, словно что-то могла еще изменить, завернуть эту телегу в другой двор. Запыхавшись, влетела в родительский дом. Гости уже расположились на почетном месте под образами. Марфа встретила девушку ласковой улыбкой. Она давно присмотрела Настю, дочку подружки своей юности, себе в невестки. Марфа с Евдокией Агеевой вместе росли, вместе на посиделки бегали, делились своими девичьими секретами, в одно лето замуж собирались, в один год детей рожали.

Евдокия родила Павлу троих детей: Паню, Настю и Сережу, да вот вырастить их не довелось. Ранней весной 1911 года пошла на реку полоскать белье к знакомой польнье. Но солнышко пригрело, лед подтаял, кромка и обломилась. Дело было у берега, утонуть-то она не утонула, промокла только. Пока белье дополоסקала, совсем застыла. К вечеру начался жар. Местный фельдшер только руками разводил: «Уж что Бог даст, баба молодая, может и встанет...» Не встала. И остался Павел с тремя детьми мал мала меньше. Средней дочке всего десять годков исполнилось, не под силу ей было тащить на себе дом, хозяйство. Тогда-то и появилась в их жизни Татьяна, молодая вдова с двумя дочерьми, соседи сосватали.

Татьяна оказалась хорошей хозяйкой, в доме опять запахло пирогами, дети были ухожены. Но материнской ласки от нее пасынки, конечно же, не увидели. И то сказать, в доме семь ртов, да скотина какая-никакая на подворье, не до нежностей. Вот и росла Настя не избалованной, ко всякой работе приученной. Такая невестка и нужна была Марфе. А Егора уговорить не составило труда, Настя с ее неброской северной красотой давно приглянулась ему. Только не смотрела она в его сторону...

– И хорошо, – убеждала его мать, – девушка скромная, на парней не заглядывается, а ты не зевай, а то уведут.

Сам хозяин, Павел Яковлевич, крепкий коренастый мужик с окладистой русой бородой «лопатой», широким упрямым лбом, сидел во главе стола. Татьяна, сухая подвижная баба с узловатыми от нескончаемой работы руками, суетилась, накрывая на стол.

– Давай-ка, подсоби мне, – позвала Настю в сени. – Ты чего такая растрепанная прилетела? Иди быстро ополосни лицо, причешись, потом возьми вот это блюдо с шанежками и отнеси гостям.

«Шанежки напекла, значит знала. А меня не спросили...» – с горечью подумала Настя. Пока умывалась, причесывалась – остыла, приняла решение и в горницу вошла уже спокойно. Села к столу напротив гостей.

– Вот, Настенька, Бог к тебе милостив, хорошие люди сватать тебя приехали, в хорошую семью пойдешь, – ласково

улыбнулся ей отец. Он любил свою дочку больше, чем других детей, очень уж напоминала Настюшка ему первую жену Евдокию: тот же взгляд голубых, как ясное небушко, глаз, тот же нежный профиль, те же тонкие гибкие руки. На такие ручки колечки бы да браслетики надевать, а не белье ими в проруби полоскать, не снопы вязать. И откуда у простой крестьянской девушки такой стройный стан, правильные черты лица – один бог знает. Павел Яковлевич искренне радовался, что дочку сватают хорошие люди, что жить ей в достатке со спокойным добрым мужем. И совсем неожиданным для него оказался ее ответ:

– За Егора я замуж не пойду.

В горнице стало так тихо, что слышно было, как муха бьется об оконное стекло.

– Как это не пойдешь? – переспросил отец.

– За Егора я замуж не выйду, – негромко, но твердо повторила Настя, – не люб он мне.

– Эка невидаль, «не люб». Замуж выйдешь – полюбишь, – развел руками отец.

– Никогда не полюблю, – глянув прямо в глаза Егору, ответила дочь.

Егор, голубоглазый белотелый парень с уже появившимся брюшком, вскочил, помялся, подбирая слова, махнул рукой и вышел из дома. Мать бросилась за ним. Мачеха, охнув, осела на лавку. Дядя Терентий растерянно почесал затылок:

– Ну... что ж, прощайте, коли так, – и, потоптавшись

на пороге, тоже вышел вон.

Глава 2. Отцовское поучение

Солнечный луч, пробившийся в щель между досками сарая, дополз до русой головки спящей на земляном полу Насти. Где-то совсем рядом захлопала курица, захлопала крыльями. Девушка открыла глаза. Минуту наблюдала за пляшущими в луче света золотистыми пылинками. Окончательно проснувшись, села и тут же застонала от боли. Сильно ныла спина. Сквозь порванную на плече рубаху багровел след от вожжей.

Впервые испробовала Настя отцовский гнев на себе. До этого случая ну разве что отшлепает Павел Яковлевич слегка свою любимицу по мягкому месту, да и то редко. Росла Настенька трудолюбивой, сноровистой, неперечливой, главной помощницей в семье, была нянькой для младших и отцу, сельскому портному, помощницей. Павел Яковлевич, радея о будущем дочери, радовался, что все складывается, как задумывали они с Евдокией, когда Настенька с Егоркой еще под столом с чурочками играли. Потому таким неожиданным для него был ее решительный отказ подчиниться родительской воле.

– Да в чем дело-то, с чего ты взбрыкнула? Не чужим людям тебя отдаю, ты ж Егора с малолетства знаешь! Марфа, крестная твоя, к тебе как к дочке относится.

– Нелюб он мне, замуж за него не пойду, – упрямо твер-

дила дочь, – на Акулине пускай женится, она давно с Егора глаз не сводит.

– Постой, может, и ты с кого глаз не сводишь? – догадался отец.

Настя еще ниже опустила голову, тербя сарафан.

– И кто ж это тебе в душу запал?

– Георгий, гармонист... – чуть слышно промолвила дочь.

– Халевин? Этот босяк с гармошкой?! Да он же сирота бездомный! Сам у родственников из милости живет! – отец аж задохнулся от возмущения. – Куда ж он тебя приведет? Али ко мне в примачи нацелился? Так мне такой не надобен, без его гармошки обойдусь. Дуреха, своей головы не имеешь, на родительскую уповай! Как я сказал, так и будет!

– За Егора не пойду, другого люблю, – вскочила с лавки дочь.

– Пойдешь, еще мне в ножки поклонисься! Я те покажу, как за моей спиной женихаться! – отец сорвал со стены вожжи.

Услышав отчаянные крики Насти, в горницу вбежала Татьяна, кинулась между мужем и падчерицей:

– Стой, Паша, стой! Охолопись, заперешь девку! В сарай ее запрем и будет с нее, посидит – одумается.

Отец, весь красный, швырнул вожжи в угол, схватил дочь за косу и поволок в сарай.

– Через неделю свадьба. А пока здесь посидишь, мать вспомнишь, ее воля была за Егора тебя отдать.

Павел Яковлевич толкнул дочь внутрь, запер дверь. Сам в изнеможении опустился на крыльцо. Руки его дрожали, голова гудела. Испуганная Татьяна принесла мужу ковшик кваса, присела рядом. Никогда она не видела его таким. Павел не был ни драчливым, ни гневливым, но никто и не испытывал его терпения в семье. Он хозяин, кормилец своей большой семьи, и потому его слово было законом в доме.

Под примирительное бормотание жены Павел Яковлевич успокоился.

– Ладно, пока не стемнело, съезжу к Крестьяниновым. На счет свадьбы договариваться надо, ежели не передумали.

И уже, выводя мерина Гнедко со двора, добавил:

– Ты того, бунтовщицу покорми, с утра ведь не евши.

– Покормлю, Паша, покормлю.

Проводив мужа, Татьяна принялась за нескончаемые домашние хлопоты, обдумывая ситуацию, пока руки привычно делали свое дело. Она тоже переживала за исход сватовства. Старший пасынок уже женился, отделился, подался с молодой женой в уездный город. Теперь бы Настю в хорошую семью пристроить, с достатком, чтобы с отца не тянула. Все бы ей, Татьяне, легче. Не молоденькая ведь уже, изробилась за эти годы, пока детей подымали. Оно конечно, Настя ее первой помощницей была, но ведь и своя старшенькая подросла, есть кем Настю заменить в хозяйстве. А, не дай бог, этого голоштанника в дом приведет? Опять лишний рот в доме... Заладила, дуреха: люб, не люб. Это барыньки толь-

ко могут по любви замуж идти, а нам, простым бабам, надо мужа с хозяйством каким-никаким выбирать, чтоб детей прокормить мог. Вот она замуж за Павла разве по любви пошла? Намыкалась одна с двумя девчонками, вот и пошла. И ничего, и живут, дай бог каждой так жить. Надо растолковать девке, что удача сама к ней в руки идет, грех отказываться. Уж куда лучше Крестьяниновых-то! Дом хороший, живут справно, дружно, никаких скандалов промеж них не слышать. Отец плохого не посоветует. Да ведь нынче молодежь своевольная, советов старших не слушает! А ведь родители-то жизнь получше знают.

Проснувшись поутру в сарае, Настя огляделась, ополоснула лицо водой из кадки. Шанежки и квас, оставленные мачехой вечером, ночью Настя все же съела, голод не тетка. Переживания – переживаниями, но молодость брала свое, организм требовал пищи.

Скрипнула дверь, в щель бочком протиснулась Уля, младшая дочь Татьяны.

– Няня, я тебе поесть принесла, – девочка поставила на чурбачок кружку с молоком, накрыла краюшкой хлеба. Достала из кармана склянку с мазью.

– Вот, мама сказала смазать, где болит. Скидывай рубаху, я помажу тебя, – и ойкнула, зажав рот ладошкой, увидев исполозованную спину сводной сестры.

Целую неделю продержали Настю в сарае. А потом запрягли в телегу Гнедко, украсили его гриву лентами и бу-

мажными цветами, поставили на дно телеги сундук с Настиным приданым: вышитыми ее руками полотенцами, скатертью, рубахами, новым салопом, нарядили зареванную невесту в светлое сатиновое платье с оборочками и вывезли с родного двора.

За воротами ждала уже повозка Крестьяниновых. На соломенной подстилке, покрытой ярким лоскутным одеялом, сидели Егор в новой косоворотке и будущие свекор со свекровью. На улице собрались соседи, судачили меж собой. Вон вчерашние подружки щебечут, что птахи. Вон выглядывает из своих покосившихся ворот заплаканная Акулина. На околице стоит у плетня Георгий. Картуз на затылке, травинку покусывает, а глаза так и жгут Настю, так и буравят. Настя за сундук схватилась, чтобы не упасть. Отец, сидящий на козлах, обернулся, кнутом Насте погрозил, потом Георгию кнут показал. И покатали телеги дальше в соседнее село, в сельсовет.

Глава 3. Мужняя жена

Сельсовет помещался в просторной избе с широким крыльцом. Раньше здесь была церковно-приходская школа, все четыре класса которой закончили Настя и Егор.

Вслед за отцом девушка поднялась по скрипучим ступенькам. Сухонький старичок в круглых очках и рыжих сатиновых нарукавниках, узнав, зачем пришли посетители, отложил конторскую книгу и полез в шкаф с папками и бумагами. Настя сквозь засиженное мухами окошко с тоской смотрела на зеленую лужайку. Давно ли они с подружками резвились здесь на переменах? Теперь лужайка заросла крапивой и репейником.

Наконец старичок отыскал нужный талмуд, что-то там записал. Ткнул желтым от махорки пальцем в страницу:

– Грамотные? Расписывайтесь здесь и здесь.

Отец подтолкнул Настю к столу, она вывела свою фамилию рядом с подписью Егора. Потом подождали, пока писмоводитель заполнит официальную бумагу и тиснет на нее жирную лиловую печать.

Саму свадьбу решено было играть осенью, по окончании работ в поле, а пока просто посидели у Крестьяниновых семейному да и уехали Шиляевы, оставив Настю в чужом доме.

Молодым отвели пристрой к избе, как это было приня-

то в северных деревнях. Стены плели из ивняка, обмазывали глиной. Окон, как правило, не делали, только дверь. Пол земляной для тепла застилали соломой. У Крестьяниновых в пристрое стояла широкая лавка с настоящей периной, застеленной лоскутным одеялом, и подушками в новых ситцевых наволочках. На стене висел старый овчинный тулуп – укрыться в холодные ночи. Сюда же занесли сундук с Настиным приданым и поставили под иконку в правый угол. На сундуке молодым оставили полкаравая хлеба да крынку с водой.

У Насти кусок в горло не лез. Она старалась держаться как можно дальше от Егора. Еще в избе ей удалось стащить со стола нож и спрятать его под подолом, засунув за подвязку чулка. Егор, наевшись, шагнул было к Насте, забившейся в угол, но у той в руке блеснул нож.

– Лучше не подходи, живой не дамся!

– Тю, скаженная... Ну, не хочешь, не трону..., сильничать не буду.

Егор потоптался, почесал белобрысый затылок и улегся на лавку.

– Да иди, ложись, супротив воли не трону, сказал.

Но Настя села на пол, не выпуская нож.

Егор поворочался, поворочался на лавке, потом встал, снял со стены тулуп и бросил его жене:

– На, завернись, застудишься еще.

Наутро на немой вопрос матери Егор только головой по-

мотал.

– Ну ничего, скромная девушка, боязно ей. Ничего, обвыкнется, все само и получится.

Так и потянулись дни и ночи их семейной жизни. Днем Настя ни от какой работы не отказывалась, все так и спорилось в ее руках, Марфу с Тимофеем мамой да тятей звала, а они ее дочкой. А как ночь – Егор на лавку, а Настя в угол на тулуп, ни на какие уговоры не шла. И нож всегда при ней был.

Егор похудел, с лица спал, Марфа с Тимофеем запечалились. Марфа уж к бабке-знахарке ходила, пяток яиц ей отнесла. Та заговоренной золы дала, велела молодым в еду подмешивать. Но Настя, догадавшись, что за зола в узелке за кувшином припрятана, развеяла ее по ветру и тряпицу выкинула. Марфа долго потом недоумевала, куда узелок тот засунула.

Как-то осенним вечером послали Настю в баню огурчиков соленых из кадки принести. А баня на отшибе от дома стояла, у самого плетня, за которым лес начинался. Показалось ей, что в кустах за плетнем кто-то есть. Уж не волк ли? Испуганная девушка затаилась у стены, готовая юркнуть назад в баню.

– Настя, не бойся, это я, – услышала знакомый голос.

Миг – и Георгий, перемахнув через плетень, оказался рядом.

– Ну, здравствуй, птаха моя. Вот, решил узнать, как жи-

вещь с молодым мужем. Забыла друга сердешного?

Настя рассказала, как ей живется, показала припрятанный нож.

– Настенька, милая моя, мне ж без тебя жизни нет! Извелся весь. За тобой я, украсть тебя хочу, раз добром не отдают. Давай сбежим, уедем куда-нито, где нас никто не знает. Двое молодых, здоровых, работающих – не пропадем. А врозь нам не жить. Бежим прямо сейчас!

– Нет, что ты! Не могу я так с хорошими людьми, они ж мне ничего плохого не сделали. А я их ославлю на все село! Нет, любимый, ты ступай сейчас, я сама от Егора уйду, в родительский дом вернусь. А там, как Егор со мной разведется, приходи за мной, уеду за тобой хоть куда. Но чужой женой, невенчанная, к тебе не пойду.

В избе хлопнула дверь.

– Настя, ты куда запропастилась? – раздался обеспокоенный голос Марфы.

Георгий вжался в спасительную тень стены.

– Иду, мама. Темно в бане, ногу зашибла маленько.

Настя заторопилась в дом.

– Ты скорей уходи от Егора, не могу я без тебя, – раздался шепот ей вслед.

Глава 4. Побег

Прошла неделя. Терпение у Егора кончилось, и он решил действовать силой. Ему ничего не стоило вырвать у хрупкой Насти нож из рук, но девушка так отчаянно царапалась, изворачивалась, что он растерялся, ослабил хватку. Она тут же вывернулась, выбежала из пристроя, убежала со двора на улицу. Спустя несколько минут Егор вышел за ней, набросил на плечи озябшей жены теплый платок.

– Идем в дом, неча людям глаза мозолить... Да не трону я тебя!

Понурые, молча вернулись в пристрой.

– И долго ты будешь надо мною так-то измываться? Всю душу ты мне вымотала!

Егор сел на лавку, обхватив голову руками.

– Егорушка, миленький, ну разведись ты со мной, я ведь сразу сказала, что не люб ты мне! Ведь знал ты, что силой меня за тебя выдали!

– Развестись? Ишь, чего удумала! Ничего, стерпится – слюбится. Я добьюсь, что люб стану.

– Сбегу я от тебя... – с тоской сказала Настя.

– Я те сбегу! – вскинулся муж. – Я те так сбегу! Опозорить хочешь? Догоню, убить – не убью, но покалечу! Сбежит она... Ишь какая... И думать забудь!

Он вышел, хлопнув дверью так, что глина посыпалась. Но-

чевать Егор не пришел.

Спустя пару дней повез он Марфу в Суны за покупками да и родню навестить. Тимофей, по настоянию сына, остался за домом и за невесткой приглядеть. Под вечер, прознав, что Марфы нет в избе, заглянул к свекру сосед, дед Степан. Мужики отправили Настю в баню за припрятанной там четвертушкой самогона. По пути она заглянула в пристрой, быстро собрала узелок, сунула его в кусты возле бани. Принесла бутыл мужикам, собрала кое-какую закуску на стол.

– Ой, а капустку-то съели, – сказала, убирая миску с квашеной капустой подальше на печку, – сейчас сбегая за ней.

И пока мужики наливали да выпивали, Настя натянула шерстяные чулки, новые калоши, накинула платок, теплый кафтан и побежала к бане. В сумерках нашла свой узелок, перелезла через плетень – и только ее и видели!

Бежать в родные Пустынники решила по лесной тропке, так короче, чем по тракту. А пуще всего боялась, что Егор, вернувшись из райцентра, кинется вдогонку. Разве ей убежать от коня? А ну как, в самом деле, покалечит сгоряча?

Летом парни и девчата из соседних деревень часто хаживали по этой тропинке за рыжиками. Настя дорогу хорошо знала, но осенними сумерками лес выглядел совсем иначе, чем летним днем. Девушка шла быстро, почти бежала, внимательно вглядываясь в тропку. Она боялась сбиться с дороги, заблудиться и оказаться на болоте, в трясине которого не раз гибли отбившиеся от стада коровы.

В лесу быстро темнело. Низкие тучи заволокли осеннее небо, не пропуская свет луны. Где-то над головой заухал филин. От неожиданности и испуга Настя присела. Вспомнила рассказы односельчан о встречах с волками, водившимися в этих лесах. Как большинство молодежи в те годы, она не очень-то верила в Бога, в церковь не ходила, но сейчас слова молитвы «Отче наш» всплыли в памяти, и она непрерывно снова и снова повторяла их.

Тропинка казалась бесконечной, темные ели все плотнее обступали ее, голые ветки кустарников цеплялись за одежду. Ветер донес откуда-то издалека волчий вой. Перепуганная Настя бросилась бежать. Ветви деревьев хлестали по лицу. Она спотыкалась о корни, падала, в кровь расцарапывая руки, вскакивала и снова бежала. Тропинки под ногами больше не было. И снова раздался волчий вой, теперь с другой стороны и гораздо ближе.

– Пресвятая Богородица, спаси меня! – взмолилась Настя. И тут в просвет между тучами вынырнула полная луна, осветив лес. Настя увидела, что опушка совсем близко, справа, а там, за лугом, родное село, и полетела к избам, словно крылья за спиной выросли. У крайних огородов оглянулась. За ней по лугу неслись темные тени. Единым махом перескочила она через забор, понеслась по грядкам. Еще один плетень, и еще один. Сзади подняли лай собаки. Вот и знакомое крыльцо. Настя, что есть силы, забарабанила кулачками в дверь:

– Отворите, отворите скорей, волки!

Ей показалось, что прошла целая вечность, пока в сенях раздались шаги, лязгнул засов, и дверь, наконец, открылась. На пороге стоял отец с керосиновой лампой в руках. Настя пронеслась мимо него и влетела в горницу. Татьяна убирала со стола посуду. Увидев растрепанную, исцарапанную в кровь падчерицу, выронила тарелку из рук, ахнула:

– Никак от мужа сбежала?

С печки свесились любопытные головы сводных сестер Маши и Ули. Из-за занавески выглянул младший брат Сергей. Настя обвела всех глазами, потом лица родных закружились вокруг нее, сливаясь в светлый хоровод, в ушах зазвенело, и она медленно осела на пол, теряя сознание.

Очнулась Настя от холодной воды. Увидела над собой перепуганные лица отца, мачехи и... Егора.

– Ну вот, кажись, приходит в себя.

Она села, преодолевая тошноту и головокружение.

– Как ты тут оказался, Егор?

– За тобой приехал. Не дури, Настена, поехали домой, пока никто ничего не знает. Обещаю, пальцем тебя не трону, только вернись, а?

– Егорушка, миленький, ну не выйдет у нас с тобой ничего путного. Разведись ты со мной и женись на Акулине Шапошниковой. Сохнет по тебе девка. Да и тебе она по нраву, я же видела, как вы с ней на посиделках хороводились. Ну и что ж, что бесприданница, а женой тебе будет ласковой да

послушной, не то что я.

Глаза Егора стали колючими.

– Эх, всю душу ты мне наизнанку вывернула. Да пошла ты к лешему!

Хлопнул в сердцах дверью, загремел ведрами в темных сенях, выбежал во двор. Еле уговорил его Павел Яковлевич, не ехать на ночь глядя, а переночевать на сеновале.

– Неровен час, волки задерут тебя вместе с конем. Да и утро вечера мудренее. Глядишь, к утру успокоится Настя, одумается.

Всю ночь прокрутился Егор на сене, под теплым тулупом, без сна, а на рассвете уехал, не заходя в избу и ни с кем не попрощавшись.

Глава 5. Георгий

В середине осени, накануне Покрова, случаются холодные, но удивительно ясные дни. Солнце светит совсем неярко, а воздух так прозрачен, так по-особому чист, что видно далеко вокруг. Рощи с поредевшей листвой не скрывают больше дали. Тихо. Улетели птицы. В этой тишине любой звук становится звонче, разносится дальше. Во всем чувствуется приближение зимы, вот-вот ударят заморозки, ветки, пожухлая трава покроются к утру инеем, и закружит первая пороша. Крестьяне торопятся управиться до снега с работой в поле, на огороде, на подворье, чтобы долгая холодная северная зима не застала врасплох.

Георгий, как только рассвело, взялся с дядькой Еремеем за починку сарая. Давно надо подлатать крышу, заменить прогнившие доски, но летом все недосуг было. Тетка Пелагея рубила последние кочаны капусты на огороде. Они с Саней, младшей сестрой Георгия, с утра затеяли квасить капусту.

Геша (так звали его домашние) с сестрой рано остались круглыми сиротами. Ему было лет шесть, а Сане и вовсе два или три годочка, когда родители их отправились по первому снегу в самую Вятку на ярмарку, да так и не вернулись. Были они молодые, работающие, жили дружно, справно. Без дела не сидели. Осип пимы катал, Прасковья, управившись с хо-

зьяством, ему помогала. Старались на совесть, потому и покупателей хватало. А тут корову решили купить, вот и подались в город на ярмарку, хорошие деньги надеялись выручить за свой товар. Детишек оставили на сестру Осипа, Пелагею. Она тогда только-только замуж вышла за Еремея. Да, видно, не в добрый час поехали. Неделю их не было. Потом прискакал в Халевинцы урядник, увез Пелагею в город, на опознание. Там узнала она, что нашли в лесу под Вяткой рядом с трактом распряженные сани, закиданные еловым лапником, а в них двух убиенных. Ни денег, ни товара, ни тулупов при них не было, лошадь тоже пропала. Среди полицейских оказался один, накануне купивший у Осипа на ярмарке пимы, он и опознал трупы. Убийц так и не нашли. Может, выследили удачливых торговцев лихие люди, а может случайные разбойники подкараулили путников – ищи волков в лесу! А только лишились малыши обоих родителей в один день.

Ну, родственники понаехали из соседних деревень, попричитали, как водится, похоронили Осипа с Прасковьей. После поминок пошумели, деля добро, потом сговорились, дом продали, деньги, скотину поделили да и уехали восвояси. А детишки так и остались у Пелагеи с Еремеем.

Жили трудно, не везло им, как ни старались. То корова в болоте утонет, то козу волки порвут, то лиса в курятник повадится – двор их крайним от леса был. Своих детей Бог не дал, вырастили племянников как родных. Ну и те их по-

читали как отца с матерью.

Геша смышленным ребенком рос, пел хорошо, на гармошке сам играть выучился, да так, что его сызмальства на все застолья, посиделки, гулянки приглашали. Платили кто чем мог: то десяток яиц дадут, то крынку молока, то кусок пирога, то каравай – парнишка все в дом нес.

Веселый, бесшабашный юноша нравился многим девушкам, и он не прочь был поозорничать с ними, пока не углядел Настю. Гибкая голубоглазая девушка с тонкими запястьями и светло-голубыми, как зимнее небо, очами запала в душу. Она выглядела совсем девочкой, хотя оказалась старше Георгия на два года. Встречаться толком не встречались, больше переглядывались да перешучивались на посиделках. Провожал Настю с гулянок, но не одну, с подружкой. Сговориться не успели, не думал Георгий, что ее так неожиданно замуж отдадут. И только потеряв девушку, понял, что ему лишь она одна нужна. Не елось, не спалось, не пелось парню, работой старался заглушить тоску.

Сидя на крыше сарая, Геша пилил доску, звук пилы разносился далеко в стылом воздухе. Березовая роща, отгораживающая Халевинцы от Пустынников, почти облетела, и ему с крыши было хорошо видна тропинка между селом и родной деревней. По тропинке в его сторону бежала девочка в ладном кафтанчике и теплом платке. Там, где тропинка раздвигалась, девочка свернула в сторону их двора. Геша взгляделся из-под руки, чья такая? Никак Уля, сводная сестренка На-

сти! Он спрыгнул с крыши и поспешил ей навстречу.

– Что стряслось, Уля?

– Вот хорошо, что я вас встретила, дядя Георгий. Меня Настя к вам послала сказать, что она домой вернулась, сбегала от Егора. Ой, че было! За ней волки гнались! А следом Егор приехал. Только она вернуться отказалась. А маменька всю Настину одежду отобрала и в сундук заперла. И не выпускает ее никуда! А Настя плачет. А давеча в обморок упала, я думала – померла няня! Но ничего, очухалась. Вот. Я обратно побежала, пока маменька не хватилась.

– Погоди, погоди, я с тобой пойду.

– Куда? К нам? Тятенька вас кнутом встретит!

– Я за банькой спрячусь, там Настю подожду.

– Так ей не в чем выйти, в одной рубахе дома сидит, маменька с нее глаз не спускает.

– Как же быть...? Ты скажи ей, как свечереет, буду ждать ее за банькой. Каждый вечер дотемна ждать буду. Авось найдет способ выбежать хоть на минуту.

– Ладно, передам, – уже на бегу ответила девочка и, как козочка перепрыгивая через корни, понеслась домой.

Георгий вернулся в свой двор в полном смятении чувств. Радость, тревога, волнение захватили его душу. Мысли, планы метались в голове, как растревоженные кони.

– Что случилось? На тебе лица нет, – встревожилась Саня, когда он вошел в избу.

Брат с сестрой с детства были очень дружны, и секретов

друг от друга у них почти не было.

– Ульяна Шиляева прибежала. Говорит, Настя от мужа сбежала, домой вернулась.

– Батюшки, – всплеснула руками Саня, – что же теперь будет?

– Что-что, жениться хочу, как только она бумажку о разводе получит.

– Павел Яковлевич своего согласия не даст. Он мужик с характером, не любит, когда супротив его воли идут.

– То-то и оно! Не даст согласия, так сбежим с Настеной.

– Кто это куда бежать собрался? – в избу вошел дядька Еремей. – Вы чего тут лясы точите, от работы отлыниваете? Осенний день короток.

Узнав в чем дело, Еремей кликнул на совет жену. Пелагея схватилась за сердце, запричитала:

– Ой, Геша, ну на что тебе эта Настя сдалась? Мало тебе девок в округе? Или вон Наталья-вдова. Дом, хозяйство справное. И сама как пава, не то, что худышка эта. Ей хозяйин в дом ох как нужен, привередничать не будет. А Шиляева девка с норовом, как и отец ее. Это ж надо, от мужа сбежала! Слыханное ли дело! Намучаешься с такой. Послушай нас с Еремеем, мы плохого не посоветуем. Присмотрись к Наталье. А то повремени с женитьбой, молод еще. Погуляй, пока молодой, успеешь хомут на шею надеть.

Она оглянулась на мужа, ища поддержки.

– Права тетушка, Геша, права! Правильно тебе советует.

Жениться – это тебе не игрушки, какова жена, такова и судьба. Тут десять раз подумать надо! – погрозил пальцем Еремей.

– Ой, а то вы больно думали, когда женились! Мне вон тетя рассказывала, как вы стоворились, – вступилась за брата Саня.

– Так молодые были, глупые, кровь разыграла, – начал было дядя.

– Чего?! – тетя уперла руки в бока. – А сейчас поумнел что ли?!

– Чего вы на него напали? Какая еще Наталья? Она стара для Геши. Настя из-за Гешки от Егора сбежала, любовь у них, понимаете?

Георгий, выслушав всех, хлопнул ладонью по столу.

– Тетушка, дядюшка, вы нам как отец и мать. Спасибо за советы, но это моя жизнь, значит, мне и решать. Поможете нам – всю жизнь благодарны вам будем. Откажете – уедем, куда глаза глядят. Но я Настену ни за что не брошу. Вот вам мое слово.

А на противоположном конце села Пустынники еще один человек не находил себе места от волнения в этот беспокойный день. Как ни старались Шиляевы скрыть от соседей возвращение Насти в надежде, что все как-нибудь утрясется, молва о ее побеге со скоростью пожара облетела село. Долетела она и до двора Акулины. Бросив стирку, помчалась она к подруге, невольно ставшей соперницей.

Татьяна встретила ее неласково:

– А ты чего пришла? Чего надо?

– Так я того, за солью. Одолжите маленько? – нашлась Акулина, зыряка глазами по избе.

– Самим покупать надо, нам она тоже не с неба падает, – недовольно ответила Татьяна, но соли в узелок отсыпала.

– Так я пошла за солью, а лавка закрыта чтой-то, а у меня картошка в печке. А вы чего не в настроении? Случилось чего?

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали – вот что случилось. Ступай уже.

– Я слыхала, Настя вернулась? – спросила Акулина в лоб.

– Нет. Ты за солью пришла? Вот тебе соль, вот Бог, а вот порог. Иди-иди, а то картошка твоя сгорит.

Но Акулина успела заметить, как дрогнула занавеска на полатах, и мелькнуло за ней заплаканное лицо подруги.

Домой она летела, как на крыльях. Надежда вновь ожила в ее сердце.

Глава 6. Сладкая ягода

Ночью выпал снег и выбелил всю округу. Даже небо посветлело, стало жемчужно-серым. Георгий, посвистывая, быстро шел по тропке через лес, и снежок весело поскрипывал под сапогами. Он пошел дальней дорожкой, чтобы выйти к огороду Шиляевых незамеченным. В кармане кафтана была припрятана краюшка хлеба, натертая кусочком сала для рыжего пса Гусара, охраняющего Настин двор. Геша по очереди согревал дыханием замерзшие руки и думал о том, что пора уж доставать тулуп и пимы, а пимы бы еще надобно подшить.

Черные ветви деревьев, опущенные нежно-белым инеем, сплетались в причудливое кружево на фоне серых, словно размытых, облаков. Стайка снегирей вспорхнула с ближней рябины. Вокруг ствола на белом снегу разбрызганы, словно капельки крови, алые ягоды. А на ветвях краснели тяжелые гроздья, посеребренные инеем. Георгий невольно залюбовался такой красотой, потом осторожно, стараясь не стряхнуть изморозь, сломил несколько веточек. Получился нарядный букет для птахи. Только бы она пришла сегодня за баньку!

Начинало смеркаться, когда он дошел до условленного места. Быстро привыкший к ежевечернему угощению Гусар ждал Гешу, дружелюбно виляя пушистым хвостом. Уже

несколько вечеров до темноты коротали они время вместе, а Насти все не было. Но вот хлопнула тихонько дверь, за скрипел снежок под быстрыми ножками. Настенька в наброшенном на плечи детском тулупчике сестренки и в чунях на босу ногу бросилась на шею милому.

– Насилу убежала! Тятенька в город уехал да, видать, заночует там. Татьяна прихворнула, в баньке попарилась и на печке заснула. Маша на посиделки пошла, Ульяне поручила за мной приглядывать. Ну а с Улей мы заединщицы. Она вот, тулупчик мне свой дала.

– А я тут который вечер тебя поджидаю. Смотри-ко, что я тебе принес, – и Георгий протянул Насте рябиновый букет.

– Ой, красота какая, Геша!

– А ты попробуй ягодки, какие вкусные! И полезные – страсть!

– Так рябина ж горькая.

– Это она до мороза горькая, а как морозцем прихватит, так еще какая сладкая становится!

Настя прихватила губами ягодку и засмеялась:

– Правда, сладкая. Но с горчинкой. М-м-м... зимой и рябина – ягода.

Смеясь и дурачась, ели они алые ягоды с одной ветки.

– Холодно, однако, – поежилась Настя. – А давай в баньке посидим, ее ж сегодня топили.

В бане действительно было тепло, но темно. Настя стала нашаривать свечку, но Георгий обнял ее, начал целовать

сладко-горькими губами, шепча ласковые слова. У девушки закружилась голова, ноги стали ватными и она податливо опустилась на лавку...

Потом они сидели, прижавшись друг к дружке. Геша гладил русую головку, косу, плечи своей птахи.

– Завтра сватать тебя приду, Настена.

– Да какой сватать?! Бумаги о разводе-то у меня нет. Да и тятенька на тебя взелся, слышать о тебе не желает. Боится, что ты на его добро заришься.

– Мне ты нужна, а не его добро. Увезу тебя и все. Ты жена мне теперь. К нам в избу пойдешь?

– Да лишь бы с тобой! Бумажек только дождемся, чтобы позору не было.

Со двора раздался шум, залаял Гусар, заскрипели ворота.

– Кажись, тятенька вернулся, – и Настя вспугнутой птицей выпорхнула из бани.

Ей удалось незамеченной шмыгнуть в дом, пока отец распрягал Гнедко. Но Павел Яковлевич услышал, как Геша скрипнул дверью баньки. Оглянувшись, заметил цепочку следов на свежем снегу до бани и обратно, а возле бани увидел оброненную ветку рябины на притоптанном снегу. В дом вошел хмурый, глянул на зардевшуюся дочку, на остатки снега на чунях, все понял, но промолчал.

Двумя днями позже поехал Павел Яковлевич в соседнее село к Крестьяниновым, долго разговаривали с Егором, с Терентием, выпили пол-литровую бутылку самогону

и разошлись по-хорошему. Сундук с приданным так и остался у Крестьяниновых, зато увез Павел Яковлевич бумагу с печатями о разводе.

На обратном пути повстречался ему на окраине села Георгий. Тот с гармошкой на плече шел на бабьи посиделки.

– Эй, гармонист, погодь-ка!

Георгий остановился, поджидая, пока отец Насти слезет с передка телеги и, путаясь в полах расстегнутого тулупа, подойдет к нему.

– Что, баб идешь ублажать? – кивнул Павел Яковлевич на гармонь.

– А чего? Все лучше, чем на печи лежать. Мукой рассчитаться обещали, а она в хозяйстве лишней не будет.

– Ишь ты. Легко тебе хлебушек достается. На гармошке играть – это тебе не землю пахать.

– Да я и пахать могу, когда время настает, а зимой кто пашет-то? А хотите, вместо меня на посиделки сходите? Я гармошку одолжу, ваша мука будет, – усмехнулся Георгий.

– Ну, ты нахал!

Павел Яковлевич потоптался, почесал окладистую бороду, сделал еще шаг в сторону Георгия. Тот на всякий случай оглянулся, плетень был рядом.

– А скажи-ка мне вот что, тока честно, что, Настя моя... девка али баба?

– Ну-у... была девка, когда от Егора сбежала, а теперь уж баба.

– Ах ты, шkodник! – вскипел Павел Яковлевич, замахнулся кнутом на парня, но тот в мгновение ока перемахнул через плетень и остановился на безопасном расстоянии. Отец Нasti, хоть и был еще мужиком крепким, но выпитая самогонка и длинный тяжелый тулуп делали его неповоротливым, а корячиться через плетень на глазах у шустрого парня не хотелось. Поэтому он только погрозил ему кнутом:

– Еще раз на своем дворе замечу, башку оторву! Обоим!

Дома Павел Яковлевич, никому ничего не сказав, спрятал бумагу с печатями за образа. Решил не торопить события, авось чего и переменится. Но в ближайшее же воскресенье соседка принесла весть, что Егор посватался к Акулине, и дело у них сладилось. Весть быстро облетела село. Тут уж пришлось отцу сказать Насте о бумаге. Еще засветло Улечка, добрая душа, отпросившись погулять с подружками, побежала в Халевинцы к Георгию. А там уже кипели страсти.

– Скажи Насте, завтра поутру приеду за ней, – объявил Георгий в присутствии пригорюнившихся Пелагеи и Еремея.

Глава 7. Совет да любовь

Всю ночь снег падал и падал, укрывая тропинки, а к утру еще и подморозило. Георгий встал рано, вышел на крыльцо. Едва дверь открыл – столько снега навалило. Пришлось прежде всего за лопату браться. Когда закончил чистить двор, уже совсем рассвело. Над заснеженными избами поднимались в стылое небо столбики дыма, словно пушистые кошачьи хвосты, – к холодам.

Геша выволок из сарая сани. Пока чистил их да запрягал старушку Маньку, солнце поднялось уж высоко, и снег заискрился по-праздничному весело. Из избы выскочила Санька с охапкой одежды.

– Вот, захвати-ка мой тулуп, пимы да шаль, а то, говорят, Татьяна одёжу Настину заперла. Вдруг не отдаст. Не лето, чай!

– И то верно. Спасибо, сестренка. Беги в избу, простынешь.

Георгий выехал со двора в радужном настроении, но чем ближе подъезжал к дому Шиляевых, тем беспокойнее становилось на душе. Ворота оказались на запоре. Георгий постучал кнутовищем. В ответ только собачий лай. Наконец скрипнула дверь.

– Кого леший принес? Чего надо? – раздался недовольный голос.

– Неприветливо гостей встречаете, Павел Яковлевич. А я ведь к вам с добрым разговором приехал!

– Тоже мне, гость, – проворчал хозяин, но ворота все же отпер.

– Неча для соседей спектаклю устраивать, в избу проходи.

Татьяна тоже встретила гостя хмуро, руки спрятала под фартук. К столу не позвали, сесть не предложили.

– С чем пожаловал, гармонист? У нас посиделок нету.

– Свататься приехал, Павел Яковлевич, к дочке вашей, Настеньке.

– Ишь ты, жених! Хозяйством справным обзаведись, тогда и свататься приходи. Не пойдет Настя в вашу избушку.

Из соседней горницы выскользнула Настя в одной рубахе.

– Пойду, тятенька! За ним хоть куда пойду!

– Не пущу! – вдруг выступила вперед мачеха. – Сбежала от мужа, опозорила на все село, сиди теперь соломенной вдовой. У меня две дочери, кто их возьмет, с такой-то слабой?! Вот их выдам, тогда делайте, что хотите.

Ульяна бросилась к матери:

– Матушка, отпусти няню, лучше я никогда замуж не пойду, с тобою останусь!

Маша вышла из-за занавески и встала рядом с матерью, исподлобья глядя на Георгия и Настю. Павел Яковлевич тяжело поднялся с лавки, достал из-за образов заветную бумагу с печатью, молча положил на стол и ушел в горницу. Георгий не стал мешкать, долгожданную бумагу в карман спря-

тал, подхватил Настю на руки. Татьяна заголосила, кинулась к двери, раскинула руки. Но куда там! Георгий оттер ее плечом и вон из избы. В санях завернул любимую в сестрин тулуп, сунул босые ножки в пимы, накиннул платок, сам вскочил на передок саней, развернул лошадь и повез Настю с родного подворья. Они не заметили, как из окна провожает их тоскливым взглядом Павел Яковлевич.

– Прости меня, Евдокиюшка! Не такую судьбу для дочки мы загадывали, да, видать, эта дорога ей суждена, что ж поделаешь... – шептали его губы.

Пелагея и Еремей встретили Настю приветливо, справедливо рассудив, что артачиться поздно, и раз уж предстоит им жить в одной избе, то лучше в мире. Саня радовалась новой подружке. Ей в семнадцать лет все было любопытно и интересно. Она так и вилась вокруг молодых, не оставляя их наедине ни на минуту, пока Георгий не прикрикнул на сестренку.

На следующий день, с утра пораньше, в избе поднялась суета. Молодые решили расписаться сегодня же, не откладывая. Пока бабы рылись в сундуках, доставая лучшие наряды, Геша во дворе запрягал Маньку. В сани натрусил свежей соломы, покрыл солому лоскутным одеялом. Еремей тем временем топтался на крыльце, дымя самокруткой.

– Дядя, ты чего в избу не идешь? Замерз, поди.

– Дык, войди, попробуй, бабы визг поднимают. Наряжаются оне там...

Настя стояла посреди избы в лучшем Санином сатиновом платье. Луч света из оконца освещал ее ладную фигурку. В русую косу была вплетена шелковая красная лента, и концы ее спадали вдоль спины ниже талии. Девушка пыталась разглядеть всю себя в небольшом зеркале, висящем в простенке между окон. Она поворачивалась то одним боком к своему отражению, то другим, напевая:

– Руса коса до пояса, лента ала до запят...

Георгий замер на пороге, залюбовался невестой:

– До чего ж ты у меня хороша, птаха моя! Ну, сани готовы, поехали с Богом.

В сани вместе с молодыми уселись Еремей с Пелагеей. Саньке пришлось остаться дома, поскольку лишнего тулупа в избе не было. Старушка Манька шла неспешным шагом, с трудом таща тяжелые сани. Не было ни бумажных цветов, ни лент в гриве, но зато светились счастьем глаза молодых.

И вновь, как несколько месяцев назад, поднялась Настя по скрипучим ступеням крыльца сельсовета. И тот же старичок в круглых очках и рыжих нарукавниках глянул на нее сначала сквозь очки, потом поверх очков. Настя засмеялась, спрятала зардевшееся личико за плечо любимого. Все ей казалось весело – и этот старичок, и то, как с любопытством он смотрит на них, как роется в своих талмудах.

После сельсовета поехали в соседнее село, в храм, договариваться насчет венчания. Хоть и не принято было среди молодежи в те годы венчаться в церкви, но так Геша решил:

– Чтобы ты, птаха, не упорхнула от меня никогда.

Договорились на следующее утро. Воротившись домой, принялись бабы застряпню: решено было устроить застолье для родни завтра, после венчания. Георгий тем временем отправился на бедной Маньке по дворам, созывать народ в гости.

Первым делом поехал к отцу невесты. Павел Яковлевич встретил Гешу хмуро, но в дом пригласил и сесть предложил. Узнав, зачем гость пожаловал, крикнул, покрутил головой:

– Ай да Настена, ай да баба, таки повернула все по-своему! Ну что ж, раз такие дела, совет вам да любовь. Береги Настю, хлипенькая она у нас. За приглашение спасибо, только мне по гостям расхаживать некогда, дома дел полно.

– Да какие такие дела неотложные зимой, Павел Яковлевич?

– В хорошем хозяйстве всегда дела найдутся.

Однако в гости все же пожаловал, с братьями Настиными Паней и Сережей. И не просто пожаловал, а привез сундук с одеждой Насти.

– Приданое твое, Настя, потеряно для тебя, но вещи свои заberi. Не голой же тебе ходить.

Мачеха с дочками не приехали, но и без них гостей набилась полная изба. Бабы постарались: напекли пирогов, достали из погреба припасы, нашлись и самогон, и наливочка. А уж гармониста и звать не пришлось, свой был, соловушкой заливался. И даже фотографа из уездного города привезли,

всю родню вместе запечатлели!

До сих пор, как драгоценная реликвия, хранится у нас в семейном альбоме эта фотография. Пожелтевшая, помутневшая от времени. И смотрят на меня сквозь толщину десятилетий лица моих родных, тех, кого в живых я уже не застала. Улыбается молодой, задорной улыбкой красавец парень – мой дедушка. Это его единственная сохранившаяся фотография, таким он для нас остался навсегда. Рядом хрупкая девушка с нежным личиком. Трудно представить, что это моя любимая бабушка, я-то ее помню уютной старушкой в белом платочке.

Глава 8. Новые жизни

Отгулялась свадьба, и полетели дни, один за другим, в трудах, заботах, радостях. Пелагея поначалу опасалась, как они, две хозяйки в одной избе, поладят? Боялась, что невестка норовистой окажется, но скоро поняла, что страхи ее напрасны. Настя свои порядки не устанавливала, от работы не отлынивала, была ласковой да веселой.

– Ишь ты, окошки у нас больше стали, что ли? Светлее, вроде, в избе, – посмеивался в бороду дядя Еремей.

А Настя не замечала ни тесноты, ни бедности, все ей было в радость. Для нее, неизбалованной родительской лаской да добрым словом, мужнина любовь была живой водой. Это были самые счастливые дни в их жизни.

Находилось время и для зимних забав. На святки Саня с Настей затеяли гадание. Пелагея разворчалась было, что не дело замужней бабе гадать, судьбу испытывать.

– Так мы ж не всерьез, тетушка! Так, позабавиться только.

– То-то, что не всерьез. По-настоящему разве так гадают!

– А как? Научите, тетушка.

– Да ну вас, до греха доведете, – отмахнулась Пелагея. Но не удержалась, начала рассказывать да показывать, увлеклась. Она не на много старше Насти была, всего-то на пятнадцать годочков. До петухов в бане гадали!

Так, незаметно, пролетела зима. Молодежь шумно, как

положено – был бы повод – отпраздновала масленицу. Потянулись дни поста. Как-то решила Пелагея подать к картошке соленых рыжиков, заглянула в кадушку, а там половины грибов нету. Подивилась – когда успели съесть? Потом укараулила, как Настя рыжики прямо из кадушки вылавливает и ест.

– Ты чегой-то делаешь? Проголодалась, что ли?

– Ой, тетушка, у вас рыжики такие вкусные, прямо удержаться не могу!

Пелагея руками всплеснула, опустилась на лавку:

– Да ты, бабонька, никак в тягости?

Настя только плечами пожала, опыта в этих делах у нее было маловато.

К Пасхе сомнений не осталось, уж и посторонние заметили округлившийся Настин живот. Геша нарадоваться на жену не мог, все-то ему в ней нравилось: как ходит уточкой, как говорит, как смотрит на него. Ему удивительным казалось, что вот тут, в чреве жены, растет будущий маленький человечек, и он, Гешка, – он! – скоро станет отцом. Раньше, при виде беременных баб, он никогда не задумывался о таких вещах, а теперь зарождение новой жизни казалось ему чудом, великой тайной. Вечерами, забравшись на сеновал, они мечтали, кто это будет, девочка или мальчик? Каким будет этот новый человечек, какая жизнь его ждет? Геша прислушивался к слабым толчкам в животе жены и смеялся от счастья.

Настя с каждым днем становилась все тяжелее, все медли-

тельнее, по деревне ходила павой, не замечая иных завистливых глаз. Как-то у колодца повстречала двух соседок незамужних. Девушки судачили меж собой, хихикали. Одна Настю окликнула:

– Что, Настя, скоро рожать-то будешь?

– Как срок придет.

– Ты бы за мужем лучше приглядывала, а то пока ты с животом дома сидишь, он на посиделках да на гулянках бабам и девкам проходу не дает, щиплется!

Вторая дернула первую за рукав, обе рассмеялись и убежали.

У Насти заныло сердце. Еле дождалась вечером прихода мужа, сразу потащила его на сеновал, подальше от ушей домашних.

– Да чего случилось-то? Непорядок какой? Говори, не томи!

– Люди говорят, тебе на посиделках больно весело. Без моего пригляду других баб щупаешь? Это так?!

Геша облегченно вздохнул, рассмеялся:

– И только-то? Я уж думал, стряслось чего... Ну, люди гармониста для чего зовут? Для веселья. Ущипнешь бабенку, какая подвернется, она визг подымет, мужики хохочут, всем весело.

Георгий сдвинул кепку на макушку, притянул к себе жену:

– Эх, птаха моя! Сколь чужих баб щупаю, а ты у меня лучше всех!

– Ах ты, кобель! – Настя со смехом ухватила мужа за чуб и потрепала слегка, – смотри у меня!

И упали оба на сено, затеяли возню.

Прошло и лето. Зашуршали дожди, зарделась рябина в роще, птицы, сбиваясь в стаи, потянулись на юг, опустели леса.

В аккурат накануне Покрова Настя разбудила мужа чуть свет:

– Вставай, кажись, началось у меня, моченьки нет терпеть. Беги за фельдшером и тетку Глафиру позови, она знает, что и как делать надо... О-о-ой, мамочка!

От крика проснулись все домочадцы, засуетились, как будто куда опаздывали. Георгий выбежал за ворота, тут только обнаружил, что забыл обуться, кафтан накиннул, а сапоги второпях забыл! Пришлось вернуться.

Фельдшер жил в Пустынниках, один на всю округу. В его доме все еще спали, Георгию пришлось долго стучать и кричать, пока, наконец, его впустили. Он поразился спокойствию и неторопливости старика.

– Хорошо, хорошо. Скоро буду. Сейчас соберусь, чаю попью и приду. Ступай пока за Глафирой.

– Вы не понимаете! Она УЖЕ рожает! Какой чай?!

– Успокойтесь, молодой человек, скоро только кошки рожают. У Насти первые роды, это дело не быстрое, дай бог к ночи разрешится. Баба молодая, здоровая, все будет хорошо.

Когда Георгий прибежал домой, суматоха в доме улег-

лась. Настя, постанывая и держась за поясицу, ходила из угла в угол. Пелагея гремела посудой, собирая на стол. Вскоре пришла тетка Глафира, ее деловитость подействовала на всех успокаивающе. Пришел и снова ушел к другим большим фельдшер, пообещав прийти к вечеру. С обеда стоны перешли в крик, Настя то металась по избе, то затихала, прижавшись лбом к холодному оконному стеклу. Еремей сбежал к свату и носа в избу не показывал. Пелагея тихонько молилась. Георгий места себе не находил. Крики жены гнали его из дома, чтобы не слышать их, он убежал на сеновал, но там тревога не давала покоя, и он вновь бежал в избу. Как стемнело, пришел фельдшер и уже остался в избе. Георгия больше в дом не пускали, но и во дворе он слышал Настины вопли, переходящие в вой. Он смотрел надвигающиеся в освещенных окнах тени, и ему казалось, что этот кошмар никогда не кончится.

К ночи похолодало, посыпался первый снежок. Крики в доме внезапно стихли. Санька выскочила на крыльцо, выплеснула что-то из таза. На белой пороше расплылось кровавое пятно. Георгий решил, что все кончено, Настя умерла, он упал на колени и зарыдал. Сестра обернулась в дверях:

– Ты чего? Все хорошо, Настя девочку родила! погоди еще маленько, сейчас приберемся и тебя позовем.

Настя лежала в подушках на широкой лавке, мокрые волосы прилипли ко лбу, и улыбалась, а на руках, у груди, попискивал маленький сверток. Геша опустился на колени ря-

дом с лавкой.

– Смотри, какая у нас дочка! Красавица! Черноглазая и волосики черненькие, видишь? На тебя похожа. Знаешь, я, когда в школе училась, загадала, что когда вырасту, родится у меня дочка, я ее Ниной назову, как нашу учительницу звали. Давай ее Ниночкой назовем! Вырастет, тоже учительницей будет.

Сказала, как напорочила...

Геша смотрел на красное личико, ищущий беззубый ротик и не видел ничего красивого, но, чтобы не обидеть жену, кивал: «Да, хорошо, согласен...». Потом вдруг сказал:

– Больше ты рожать не будешь! Никогда! Я тебе обещаю!

Через четырнадцать месяцев у Насти с Георгием родилась вторая дочка, на этот раз светленькая, голубоглазая, в маму. Нарекли ее «царским» именем – Елизавета.

Глава 9. Путешествие

Летний день клонился к вечеру. Солнце устало прилегло на кроны деревьев дальнего леса. По ухабистой лесной дороге неспешно катилась телега, нагруженная сеном. Ее с трудом тащила старая кляча Манька. Она уже плохо видела, но дорогу домой находила безошибочно. На телеге, на душистом сене, растянулся Еремей. Георгий, жалея Маньку, шел рядом.

– Ишь, как лягухи расквакались, опять завтра погожий денек будет. С утрачка снова поедем на дальние покосы, пока погода стоит, – сказал Еремей, покусывая травинку.

Дорога огибала Бабье болото, названное так потому, что оно изобиловало брусникой да морошкой, и бабы, которые посмелее, ходили туда по ягоды. Дело это было рискованное, болото топкое, и надо было хорошо знать тропку, расположение вешек. Ходили всегда стайкой по несколько человек, зато возвращались с полными туесами.

– И то правда, поедем. И сверчки эвон как стрекочут, к ясному дню. Кабы только Манька не подвела, еле плетется, беделага. Надо бы новую кобылу купить, – вздохнул Геша.

Еремей сел, подобрал вожжи.

– Знамо дело, надо, да где денег стока взять? Опять же, купишь лошадку, а ее возьмут, да отымут. На сходке мужики гуторили, что кооператив у нас будет, всю скотину на обчий

двор сгонют. Вот и думай!

– Да-а... и без лошади никак... Манька, не ровен час, по-мрет в поле.

– В город тебе, Гошуня, подаваться надоть, на заработки. Семья растет, хозяйство маленькое, да и то, того и гляди, отберут. Не прокормимся!

– А на кого ж я Настену с девчонками оставлю? Малы ведь совсем они еще...

– Пущай с нами пока поживут, не обидим. Обустроишься в городе-то, заберешь. Нету другого выхода, Геша.

Остаток пути проделали молча, каждый обдумывал ситуацию.

Пару недель спустя Георгий ездил по делам в Суны, вернулся в радостном возбуждении.

– Вот точно говорят, на ловца и зверь бежит. Приехал в уезд, а там вербовщик из Аргаяша. Это большое село где-то на Урале. Там зерносовхоз построили, рабочие нужны. Работа хорошая, при хлебе. Опять же, жалование хорошее, подъемные на проезд дают. А главное, жилье обещают, с семьей ехать можно! Птичье хозяйство рядом, куры, яйца – сытая жизнь! И озеро есть, а в нем рыбы полно! И места страсть какие красивые. Собирайся, Настена, в новую жизнь поедем. В поезде, по железке!

А Санька тут как тут, глаза горят, щеки покраснелись:

– И я с вами! Тож работать пойду, за птицей ходить буду. А на жалование себе ботиночки со шнуровкой куплю! Хва-

тит в деревне сидеть!

– А что? Хорошее дело. Поезжайте, молодежь. Пора из гнезда вылетать, – поддержал их Еремей.

Пелагея утерла уголком фартука слезинку, но тоже согласилась, что такой случай упускать нельзя. Документы выправили быстро, пожитки собрали еще быстрее. Немного их, пожитков-то, было. И вскорости, вместе с другими добровольцами, уехали они на телегах в Вятку, а оттуда отправились поездом в Аргаяш.

Все пятеро впервые ехали по железной дороге, все им было интересно, все любопытно. Семья расположилась на трех жестких полках в тесном закутке. В вагоне былолюдно, шумно, накурено. В конце вагона кто-то играл на гармошке. На верхнюю полку ловко забрался здоровый конопатый парень в выгоревшей гимнастерке и вскоре оттуда раздался его негромкий храп. Настя с опаской поглядывала вверх, не обломилась бы полка. Санька с двухлетней Ниночкой на коленях не отлипали от окна, то и дело восторженно вскрикивая:

– Гляди, гляди, машины по дороге едут!

– А это что? Трактор? Вот бы нам такой, вместо Маньки!

– Гляди-ко, что это? Ероплан? Ероплан! Гляди, летит, взаправду летит!

В Глазове Георгий сбегал на станцию за кипятком. Настя вся извелась от тревоги, как бы он не отстал от поезда. Она чувствовала себя потерянной в этом водовороте людей и событий, ей было страшно за детей, за себя, и она хваталась

за мужа, как за спасительную соломинку. А Георгию самому было не по себе от ответственности за семью, тревожно: что там ждет на новом месте? Ведь главе семьи едва минуло двадцать два года. И только маленькая Лиза спокойно спала у материнской груди, ее ничего пока не тревожило.

На рассвете Настю, забывшуюся беспокойным сном, разбудил паровозный гудок. Села. На соседней полке спали, свернувшись калачиком, как котята, Саня с Ниночкой. Лизонька тихонько посапывала, завернутая в теплый платок. Георгий растянулся на верхней полке, положив под голову узел с вещами. Поезд, мерно постукивая колесами, огибал берег широкой, полноводной реки. Настя никогда не видывала столько воды! Мощные ели местами подступали к самой кромке берега. А впереди, на горизонте, синели далекие горы. У нее дух захватило от такой красоты. Ушла куда-то тревога из души, пришла уверенность, что впереди их ждет счастливая, интересная жизнь, и сердце открылось навстречу этому прекрасному миру. Река то уходила вправо, то вновь подходила к самому железнодорожному полотну. За окнами замелькали железные перекрестья моста, теперь река несла свои воды прямо под поездом.

– Вот и Каму переехали, сейчас вокзал будет, забирай узлы, прибыли, – сказал кто-то рядом, за переборкой. За окнами действительно медленно проплывало длинное желтое здание вокзала с двумя шпилями. Пермь.

Настя набралась смелости и вышла из вагона оглядеть-

ся, подышать воздухом. После духоты в лицо пахнула утренняя свежесть и специфический аромат железной дороги: смесь запахов металла, машинного масла, дыма. На крытом навесом перроне, несмотря на ранний час, было шумно, многолюдно, суетливо. Со всех сторон раздавались паровозные гудки, лязг железа, говор, выкрики мальчишек, продающих папиросы, газеты, баранки. Настя крепко держалась за поручень вагона, боясь отойти хоть на шаг, и крутила головой, удивленная этим кипением жизни.

В Перми освободившиеся по соседству места в вагоне заняли парень в тельняшке и две девушки, обе в темных, едва прикрывающих коленки, юбках и красных косынках. Девушки держались смело, громко переговаривались, задорно смеялись. Из их разговоров стало понятно, что молодые люди работают на строительстве какого-то завода и едут в Екатеринбург на курсы. Они говорили о плане, съезде, ОСОВИА-ХИМе, пятилетке, землеройной машине, и о других незнакомых, малопонятных вещах, горячо обсуждали какого-то Наджафова, который «срывает план». Настя и Саня притихли, наблюдая за этой троицей, Настя настороженно и с любопытством, а Санька с восхищением.

После Перми природа за окном вагона изменилась. Поезд шел между гор, становившихся все выше, дорогу обступали мощные кедры, разлапистые ели, перемежающиеся березами и осинами. Взгляду открывались озера с чистой водой, отражающей скалистые берега. Дорога то поднималась ввысь,

и перед глазами разворачивались лесистые дали, то перед окном вдруг выростала слоистая стена уходящей к облакам горы. И всюду бурлила жизнь, рылись котлованы для строящихся заводов, прорубались просеки для будущих дорог, возводились мосты. Родина оправлялась после войн и революций, поднималась из разрухи, нищеты и расправляла крылья.

Наши путешественники весь день не отходили от окна, молодая страна словно разворачивала перед ними всю свою красоту и силу. Всеобщий энтузиазм передался и им, на месте не сиделось, хотелось вместе со всеми строить эту новую, такую манящую, жизнь.

К ночи добрались до Екатеринбурга. И вновь были поражены обилием и яркостью огней, большими домами, асфальтированными улицами, наполненными машинами и людьми, впервые увидели трамвай. А утром, со всеми узлами и мешками, высадились на перрон станции Челябинск. Отсюда предстояло добираться на местном поезде по другой ветке. Ехать было недалеко, да ждать пришлось часа три. В шумном, грязном зале ожидания в толпе шныряли беспризорники, наглые, как воробьи. Стоило Георгию отлучиться, а бабам отвлечься на раскапризничавшихся детей, как уж узла не досчитались. Саня кинулась было за пацаном, да где там! Тот словно растворился в толпе.

Только к вечеру прибыли, наконец, измученные путешественники в Аргаяш.

Глава 10. Аргаяш

Аргаяш оказался большим селом, выросшим рядом с железнодорожной станцией. Эта железная дорога вместе с проходившим через село Челябинским трактом, словно артерии, питали поселок, давая ему силы для быстрого роста. Широкие, прямые улицы быстро застраивались добротными домами за крашеными дощатыми заборами. Рядом со станцией был элеватор, где предстояло работать Георгию, поодаль находилась птицеферма, строились мастерские. Улицы сбегали к широкому озеру, в тихой глади которого отражались ивы. Через село по тракту пылили полуторки, трактора. На площади возле клуба, где на высоком столбе говорил и пел репродуктор, по вечерам собиралась молодежь. Да и бабы постарше любили пощелкать семечки, послушать радио, усевшись на лавочке под старой березой на краю площади.

Поначалу семью Халевиных определили на постой в просторный, светлый дом на улице Элеваторной, недалеко от станции, выделив им чистенькую, уютную комнатку. Хозяин дома, пожилой башкир, новых жильцов, казалось, не замечал. Невысокого роста, кривоногий, с округлым брюшком, он ходил по двору важно, словно петух, изредка покрикивая на незнакомом языке на жену. Та смотрела на него глазами дворовой собачонки, которая, робко повиливая хво-

стом, заглядывает в лицо хозяину, пытаясь угадать, пнет он ее или приласкает.

Хозяйка в молодости, видать, была красавицей. И сейчас еще на нее приятно было посмотреть. Стройная, с блестящими, как смородины, глазами, она быстро сновала по двору, и тихий звон ее монист слышался, казалось, сразу отовсюду. Черные с густой проседью волосы были заплетены в две толстые косы, спускавшиеся по спине аж до пояса. Робкая и молчаливая с мужем, с жильцами она держалась важно, с удовольствием выговаривая им по каждому поводу: то белье не там развесили, то самовар не там поставили, то дети, играя, забежали на хозяйский огород. Делая очередное замечание, хозяйка с достоинством добавляла: «Мин ведь хозяин!».

Для семьи Халевиных началась совершенно новая, интересная жизнь. Георгий начал работать на элеваторе. Его старательность, грамотность, ответственность оценили, вскоре назначили учетчиком. Саня пошла работать на птицеферму, как и хотела, а вечерами училась на рабфаке. На первую же зарплату купила себе заветные ботиночки на шнуровке, красную косынку, коротко остригла волосы, и уж не узнать было в этой бойкой девушке вчерашнюю деревенскую Саньку.

Настя домовничала, без дела не сидела. По случаю Георгию удалось купить зингеровскую швейную машинку, тут-то и пригодились уроки отца, деревенского портного. Настя об-

шивала маленьких дочек; мужу, себе, золовке обновила шила.

Как-то Георгий вернулся с работы в радостном возбуждении.

– Птаха, скоро у нас свой дом будет, свое хозяйство! Сядь, послушай! Вызвали меня, значит, с утра к начальству. Ну, думаю, чем провинился? Пришел. Меня в кабинет пригласили, за стол усадили, длинный такой. Ну, директор там, главный бухгалтер, еще кто-то, я со страху и не разглядел. Вот, говорят, Георгий Осипович, решили вам, как хорошему работнику, опять же, семью имеющему, выделить ссуду на покупку али строительство своего дома. Будете в своем доме жить с детками, работать да ссуду-то выплачивать. Ну, я, понятное дело, обрадовался! Так что собирайся, Настена, пойдем дома, которые продаются, смотреть. Мне на работе подсказали адреса.

К зиме семья переехала в свой дом, небольшой, но добротный, с высоким крыльцом, светлой верандой. Дом стоял на Озерной улице, часть окон смотрела на тихую, обсаженную березами улицу, а часть на озеро Аргаяш. К дому примыкал огород.

В Георгии проснулся хозяин. Все свободное время он обустроивал свое гнездо: поставил во дворе баньку, огородил штакетником палисадник перед домом, весной покрыл крышу железом, покрасил ее красным суриком, соорудил качели дочкам, около крыльца врыл в землю скамью, а рядом посадил рябинку, приговаривая:

– Вот дерево так дерево, всегда глаз радует: по весне цветами, летом кружевной листвой, осенью красными гроздьями да багряными листьями. И зимой нарядное стоит, изда- лека его видать! Летом в тенечке на лавочке будем сидеть, округой любоваться, а зимой чай рябиновый пить будем, здоровья набираться.

И рябинка под добрые хозяйские речи прижилась, на удивление быстро в рост пошла, уже к следующей осени ягодами порадовала.

И тогда же пришлось Геше мастерить люльку для долгожданного сына. Мальчик родился раньше срока, слабенький: видно, слишком мало Настя отдохала, много работала. Родители боялись, что не выходят сыночка. Но малыш оказался цепким. Окруженный любовью родни, быстро рос, набирал вес, и вскоре Настя перестала опасаться за его жизнь. Имя ему выбрали пышное, звучное – Вениамин.

Больше всех радовалась появлению братика четырехлет- ная Ниночка. Она охотно присматривала за ним, пока мама стряпала: качала люльку, чувствуя себя главной маминой по- мощницей, пожевав ржаной мякиш, заворачивала его в чи- стую тряпицу и совала в маленький ротик. Малыш, почмо- кав, затихал, тараща на сестру черные, как у нее, глазенки.

Чтобы побыстрее рассчитаться со ссудой, да чтобы в до- ме копеечка водилась, Георгий взялся за отцовское ремесло. Закупил нехитрое оборудование, установил его в бане и на- чал вечерами катать пимы. Дело пошло, пимы получались

легкие, теплые и прочные, односельчане охотно их покупали.

Настя поначалу помогала мужу, но вскоре и ей дело нашлось. К следующей зиме сшила она детские полушубки дочкам, да такие ладненькие, загляденье просто! Потянулись соседки с просьбами сшить и их деткам такие. А потом и взрослые полушубки наострилась шить.

И муж, и жена трудились не покладая рук, в доме появился достаток. Весной купили, наконец, корову, осуществилось давнее Настино желание. Имя кормилице придумала Санька, красивое, чудное – Марсельеза. Настя утирала слезы радости, оглаживая бока своей коровы, с благодарностью глядя на мужа:

– Вот, видел бы тятенька, каким хозяином ты оказался, как справно мы живем, по-другому бы к тебе относился.

Однажды в воскресенье вернулся Георгий с ярмарки с большим деревянным ящиком, резным, лакированным. Поставил его на стол, усадил Настю, Саню, дочек на стулья, как в клубе, поколдовал над ящиком, покрутил какую-то штучковину сбоку, и вдруг к изумлению баб полилась из ящика музыка, звонкий женский голос запел:

– Валенки, валенки, ой да не подшиты, стареньки...

– Во! Патефон называется! Теперь весело жить будем, с музыкой! Вместо гармошки играть будет.

Озорно блестя глазами, Геша пустился вприсядку. Настя, раскинув руки, поплыла вокруг него. Дочки, хлопая в ладо-

шки, запрыгали рядом.

С первыми теплыми днями занялись огородом. Тут уж Саня взялась за дело, сама копала, сажала, поливала – нравилось ей возиться в земле. Все у нее получалось, с легкой руки росло и плодоносило.

Раз жарким летним днем, подоткнув повыше подол и отмахиваясь от назойливых мух, полола она грядки. Вдруг яблочный огрызок шлепнул ее по спине. Саня выпрямилась, оглянулась. За изгородью, сдвинув кепку на затылок и поставив ногу на жердину, стоял рослый парень в выгоревшей гимнастерке.

– Ну, вот и личико увидел, а то смотрю, смотрю... – белозубо улыбнулся парень.

Саня зарделась, быстро одернула подол.

– А ты, чем без дела-то стоять, забор подпирать, помог бы лучше.

– Да это мы мигом, запросто.

Парень одним прыжком перемахнул через изгородь и оказался рядом.

– Ты кто такой шустрый будешь? Откуда взялся? Что-то я тебя раньше здесь не видела?

– Сосед ваш, похоже. Иваном зовут. Из армии только-только вернулся. А ты кто такая будешь, дивчина?

– Саня я... мы тут недавно живем... с семьей брата.

– А что, Саня, может, вечером прогуляемся к клубу? Кино обещали привезти.

– Некогда мне, вон еще сколько полоть.

– Дак, это мы мигом, вдвоем-то.

Настя, стиравшая во дворе белье, с удивлением увидела в огороде две согнувшиеся над грядками спины. Рассматривая из-под руки помощника, шепнула:

– Ну вот, кажись, и твое время настало, золовушка.

Глава 11. Дуся

Свадьбу Ивана и Александры сыграли накануне масленицы. Молодежи набилось – полный дом, из старшего поколения были только родители Ивана, важно восседавшие в красном углу. Помощниц у захопотавшейся Насти оказалось больше чем достаточно. Девушки, весело переговариваясь, сновали из кухни в комнату с тарелками, блюдами. Парни двигали столы, лавки, толпились около патефона, перебирая пластинки.

– Едут, едут! – раздался крик с улицы, и вся молодежь гурьбой высыпала на заснеженный двор. Вперед протиснулись новоиспеченные свекор со свекровью, держа в руках каравай на полотенце. В разгар кутерьмы ко двору подкатили сани с молодоженами. Лошадьми правил раскрасневшийся от морозца, довольный Георгий. Свадьба, гулянье – это была его стихия.

Настя во двор не пошла, смотрела на все в окошко. Наконец шумная компания вернулась в дом. Невеста скинула полшубок, белый оренбургский платок, сняла пимы, надетые прямо на аккуратные туфельки с ремешками и встала рядом с женихом. Все на мгновение притихли. Полно, Санька ли это? Куда делась бойкая комсомолка? Перед ними стояла, зардевшись от смущения, нежная девушка. Модная стрижка, вьющийся локон, светлое крепдешинное платье с вол-

нующейся вокруг круглых коленок юбкой, кружевная фата, перехваченная атласной лентой, фильдеперсовые чулочки на стройных ножках. Словно видение из какой-то другой жизни. И хоть Настя своими руками шила платье, мастерила фату, сейчас, увидев все это на золовке, была поражена результатом.

Вдруг Настя почувствовала легкий толчок, еще одна новая жизнь, зародившаяся в ней, впервые дала о себе знать.

После свадьбы Санька перебралась в дом Крапивиных. Вроде рядом, соседняя изба, однако, семейная жизнь, работа, учеба не оставляли ей свободного времени. Настя осталась без помощницы. Трое малышей, четвертый на подходе, хозяйство, корова – нелегко было управляться со всем этим. Но, видимо, ангел-хранитель простер над ней свое крыло, помощь пришла с неожиданной стороны.

Солнечным апрельским днем Настя отправила детишек играть во двор, сама взялась за уборку. Управившись с полами, выглянула во двор. Детей там не было. Испугавшись выбежала за ворота. Навстречу ей, держась за руки, шли ревущие дочери.

– Где Веночка? – выдохнула Настя.

– Он спрятался-а-а... Мы играли в прятки. Мы спрятались, а он нас искал, а сам потерялся-а-а, – размазывая слезы и перебивая друг друга, объясняли девочки.

Настя заметалась по улице, не зная, в какую сторону бежать. Из переулка вышла женщина. Она бережно прижима-

ла к своему светло-бежевому пальто перемазанного в грязи Веночку.

– Ваш беглец? Держите. Иду, а он в канаве барахтается. Узнала соседа.

Настя много раз видела эту женщину, она жила в доме напротив, но разделяла их не только улица.

Однажды, в первые дни жизни в новом доме, Настя заметила, что муж замер у окна. Она подошла и выглянула тоже. Калитку соседнего дома закрывала молодая женщина в синем пальто с меховой горжеткой, в низко надвинутой шляпке и в ботиночках на каблучках. Таких разряженных дамочек Настя никогда не видывала, разве что на журнальных картинках.

– Ничего себе! Это кто такая? – ревниво спросила она мужа.

– Соседка, жена нашего главного бухгалтера Степана Игнатича. Хороша баба, жаль – пустоцвет.

– Как это?

– А так. Сколь живут, а детей нет. Потому и пустоцвет.

Настя быстро перезнакомилась со всеми ближними соседками, кроме этой. Дамочка, всегда нарядная, молча проходила мимо. Ну и Настя не лезла к незнакомке, ей своих хлопот хватало. Она не догадывалась, как часто та с тоской наблюдает из-за кружевной занавески за играми ее детей, то смеется над их проказами, то вытирает непрошеную слезинку.

После того случая с Веночкой женщины познакомились,

а вскоре и подружились. Дуся (так звали дамочку) оказалась милой, доброй. После несчастного случая, приключившегося с ней в молодости, детей у нее быть не могло. Однако жениха ее это не отпугнуло. Будучи много старше своей жены, он относился к ней, как к своему ребенку, баловал, наряжал, но на работу не отпускал. Да она и не рвалась. Денег в семье хватало. Дуся коротала время в заботах о доме, о себе, да в вязании многочисленных кружевных салфеток и воротничков. Приятельниц у нее было немного, все такие же, как она, жены местных начальников. Дуся скучала в их компании.

Соседка узнала, что Настя умеет шить, и упростила ее принять заказ на платье. Потом еще на одно. А пока Настя сидела за швейной машинкой, та играла с детьми или уводила их к себе в гости.

Дети к новой знакомой шли охотно. Все в ее доме было для них удивительным: и черный блестящий диван с выстроившимися на полочке поверх кружевной салфетки семью слониками; и высокий фикус с гладкими блестящими листьями; и большое зеркало в резной раме, висящее напротив входной двери; и абажур с бахромой над круглым столом, покрытым кружевной скатертью; и настоящий мягкий ковер под ногами, вместо половичков. Но больше всего удивляло их радио, не такое, как квадратный рупор на столбе около клуба, а свое, в деревянном ящичке. Дети с любопытством вслушивались в музыку и голоса, доносившие-

ся сквозь легкое потрескивание. Девочки заворожено листали книжки и журналы с яркими картинками или наблюдали за быстрыми пальчиками Дуси, ловко орудующими крючком. А Веночка играл со слониками.

В конце июля, в самую жару, родилась в семье Халевиных еще одна дочка. Девчущку назвали Галочкой. Спокойная черноглазая кроха быстро стала всеобщей любимицей. Теперь Дуся проводила в их доме все свободное время, помогая купать, пеленать, баюкать малышку. Она же стала крестной мамой девочки, отдав ей всю свою нерастраченную любовь. Степан Игнатьевич поначалу радовался, что жена больше не тоскует, потом слишком сильная привязанность ее к чужим детям стала его тревожить, но изменить он ничего уже не мог. Так, в заботах, трудах и радостях незаметно текли дни.

Теплым осенним вечером вышла Настя во двор, присела в ожидании стада на лавочку рядом с мужем под подростшей рябинкой.

– Смотрю я на тебя, птаха моя, и удивляюсь. Другие бабы одного родят и уж поперек себя шире, что поставить, что положить. А ты у меня четверых родила, а все словно тростинка. Вроде как не кормлю тебя. Иной раз страшно становится, кабы не переломилась. Ну, ничего, зато я у тебя вон какой здоровый, от всех невзгод укрою. Ты, главное, прислонись ко мне, – и Геша обнял, притянул к себе жену.

– Да ну тебя, балабол, – шутя отбивалась Настя, – лучше

сорви мне во-о-он ту гроздь рябины.

– Рано, горькие еще ягоды-то, морозов дождись. А вон и стадо гонят. Иди, встречай Марсельезу. Через месяц отелится, прибавится нам забот. Как ты думаешь, бычок али телочка будет?

– Да лишь бы разродилась благополучно, в первый то раз...

Настя вышла за ворота, высматривая из-под руки свою любимицу. Коровы, козы разбрелись по дворам, вот и последняя прошла, Марсельезы среди них не было.

– Отстала, что ли? Видал я ее, как стадо гнал. Надоть искать... – почесал затылок пастух.

До поздней ночи искали корову Георгий с пастухом. Настя места себе не находила от тревоги. Геша вернулся уже за полночь, устало опустился на лавочку. Настя все поняла по его лицу. С последней надеждой спросила:

– Что с Марсельезой? Не нашли?

– Нашли. Нет у нас больше ни коровы, ни теленочка... На рельсы забрела, поездом сбило.

Настя кинулась к калитке, Георгий перехватил ее, усадил на лавку.

– Не надо тебе туда. Там уж свора собак собралась...

– Пришла беда, отворяй ворота... – побелевшими губами прошептала Настя.

И опять, сказала – как напороочила.

Глава 12. Горькая ягода

Накануне весь день и всю ночь шел снег, укрыв чистой простыней грязные мартовские сугробы. С утра казалось, что вновь пришел ноябрь, с первым снегом, холодным ветром, даже в воздухе пахло предзимьем. Но с обеда выглянуло солнышко и слепило глаза, отражаясь от искрящегося покрова.

Георгий в хорошем настроении возвращался из города на площадке товарного вагона. Несмотря на начало весны, всю партию пим удалось сдать в лавку по хорошей цене. После гибели Марсельезы Геша с удвоенным рвением взялся за свой приработок, пропадая в банке с ужина до поздней ночи. С четырьмя детьми своя корова ох как была нужна! Вот и бились они с Настей без отдыха. Старались и ссуду за дом вовремя выплатить, и денег на новую корову заработать. Постепенно стопка кредитных билетов в шкатулке, припрятанной в погребе, росла. Уж немного осталось собрать...

Георгий поежился, стараясь спрятаться от пронизывающего ветра за высоким воротником овчинной борчатки. Вот показалась околица Аргаяша. Совсем рядом Озерная улица, только неширокое поле перейти, даже крышу родного дома видать. Поезд сбавил ход. Недолго думая, Геша спрыгнул с площадки вагона в сугроб. Летом и осенью он всегда

так делал, чтобы не топтать от станции до дома лишние километры. Но одно дело перейти поле летом по травке, совсем другое – зимой, по сугробам. Жесткий наст с хрустом ломался под ногами, Георгий проваливался при каждом шаге по колено, а то и выше. Уже через несколько шагов ему стало жарко, спина взмокла. Он снял рукавицы, шапку, расстегнул борчатку. Наконец выбрался на дорогу.

Во дворе крайнего дома бабка перебирала поленницу. Георгий остановился отдышаться у изгороди.

– Мамаша, водички попить найдется?

– Отчего не найдется? Найдется, милок. Кваском тебя угощу.

Бабка принесла из сеней ковшик холодного кваса. Геша выпил его залпом.

– Хорош квасок, спасибо, мать.

– На здоровьице, соседушко, на здоровьице...

До дома оставалось пройти всего несколько дворов.

К вечеру Геша начал мерзнуть в теплой избе.

– Холодно у нас, надо бы печку подтопить, да что-то сил нет, – сказал жене.

Настя удивилась, оставив недомытую посуду, обеспокоенно приложила руку ко лбу мужа.

– Да у тебя жар... ты сам как печка!

Два дня Настя хлопотала вокруг мужа, заваривала травы, протирала самогоном, бесконечно меняла влажные компрессы на горячем лбу. Ничего не помогало! Геше становилось

все хуже. Приглашенный из сельской амбулатории молодой врач, едва послушав его через стетоскоп, озабоченно потер переносицу:

– Двустороннее воспаление легких. В город везти надо, в больницу, здесь не выходим.

Проехать по весенней распутице на санях или в телеге нечего было и думать. Пришлось искать машину. Гешу с трудом подняли в кабину полторки, Настя, оставив детей на золровку, тряслась в кузове.

Дорогой вспомнилось, как совсем недавно, осенью, муж на руках нес ее, больную, в амбулаторию. Он нес жену, как ребенка, завернув в теплое одеяло.

– Вот помру, что будешь делать один с четырьмя детьми, – сетовала Настя.

– Что делать, что делать? Женюсь да и буду растить детей, – усмехнулся Геша, бережно прижимая ношу к груди.

– Ишь ты, женюсь! Я те женюсь! Вот назло не помру, – Настя сердито ткнула его кулачком в плечо.

– Вот-вот, так и знай, нельзя тебе помирать. А то приведу детям мачеху.

В больницу приехали за полночь. Дежурный фельдшер, зевая и ворча, что «местов нет, класть некуда», долго шуршал бумажками. До утра больного устроили на диванчике в коридоре, измученная Настя прикорнула рядом, прямо на полу.

К утру Геша начал бредить, дыхание стало хриплым.

Осмотревший его врач, щуплый, подвижный старичок в старомодном пенсне, скомандовал медсестре:

– Срочно готовьте операционную и больного. Гнойный плеврит. Будем оперировать.

Для Насти время потянулось как в страшном, вязком сне, от которого невозможно избавиться. Несколько дней после операции она не отходила от больничной койки в длинной переполненной палате, спала, сидя на стуле, почти ничего не ела. Наконец Геша пошел на поправку. Снизилась температура, кашель стал мягче, он начал понемножку есть. В правом боку из-под бинтов торчала резиновая трубочка.

Настя вернулась домой к детям, но через день ездила в город навещать мужа. Оба повеселели, радуясь, что самое страшное позади, строили планы.

– Ничего, птаха моя, я здоровый, подымусь скоро. Вот еще чуток поваляюсь, и подымусь. А летом коровку купим.

Забывшись, Геша повернулся на больной бок, и тут же застонал, закашлялся. Дренажная трубка ушла в рану, на повязке выступила кровь. Перепуганная Настя побежала за врачом. Через час после перевязки и укола Геша уже улыбался жене.

– Поезжай домой, Настена, поздно уже. Пока доберешься, ночь настанет.

С тяжелым сердцем уходила Настя из больницы, а утром вновь, чуть свет, засобиравшись в город.

Войдя в палату, Гешу не увидела. На его койке лежал го-

лый матрас. Сосед, кряхтя, сел, спустил тощие ноги с кровати.

– Нету его, не ищи. Умер под утро, горемышный. В морг увезли.

Свет померк в глазах Насти.

Вербное воскресенье выдалось теплым. Остатки грязного снега еще лежали в низинках с северной стороны дома и баньки, а лужайка за домом уже просохла, покрылась первыми, самыми отчаянными травинками. Солнышко награждало их за смелость своим живительным теплом. Нина, Лиза и Вена играли на лужайке в камешки. Двухгодовалая Галочка, сидя на поленнице, баюкала тряпичную куколку, сшитую Дусей для своей крестницы. Девочки были одеты в одинаковые байковые пальто с пелеринками, Веночка – в теплый кафтан. Детские ножки грели хлопковые чулочки, добротные ботинки. За дом заглянула соседка:

– Дети, идите в избу, вашего папу привезли.

С криками: «Ура! Папочка приехал!» ребятня побежала домой.

После яркого солнца в горнице царил полумрак. Посреди комнаты стояли две табуретки, на них незнакомые мужики устанавливали гроб. Заплаканная тетя Саня пристраивала свечку в папиных руках. Ошеломленные дети замерли на пороге. Только Галочка протопала крепенькими ножками вперед, похлопала по отцовской руке:

– Папа... папа пит?

И повернулась к остальным, приложив пальчик к губам:

– Тс-с-с, папа пит.

В углу за печкой, безучастно покачиваясь из стороны в сторону, сидела женщина в черном платке. Дети не сразу узнали в ней мать.

Хоронили Георгия без Насти. Она так и не встала с табуретки, не понимая, чего от нее хотят. Дети брели за гробом по весенней распутице, держась за руки тети Сани и тети Дуся. Галочку нес на руках Иван.

К поминальному столу Настя тоже не села, непонимающими глазами смотрела на Саню, когда та попыталась ее хоть немного покормить.

Шли дни. Настя потихоньку приходила в себя, делала нехитрые домашние дела, но ни с кем не говорила, погруженная в свои мысли. Крапивиным пришлось временно перебраться в дом Насти, чтобы присматривать за ней и детьми. Дуся, добрая душа, помогала, чем могла.

Как-то воскресным днем бабы затеяли печь хлеб. Вдруг Настя словно услышала что-то, вытирая руки о фартук, заторопилась в сени. Оттуда послышался ее вскрик и быстрая речь. Саня кинулась следом. В сенях на стене висело корыто, в котором Настя обычно стирала. Сверху на том же гвозде висел кафтан Георгия. Настя обхватила корыто руками и, прижимаясь лицом, всем телом к кафтану мужа, говорила быстро, бессвязно:

– Ну где ж ты был так долго, Гешаня? Я же извелась вся... А они говорили... Но я не верила, не верила! Я знала, что ты вернешься, знала, что ты не оставишь свою птаху... Только больше не уходи... не уходи, ладушка мой... Не отдам!

– Настя, Бог с тобой, это ж корыто, опомнись... – пыталась увести ее назад в горницу Саня, но где там! Настя вырывалась с недюжинной силой. Перепуганные дети громко плакали, цепляясь за мать.

– Мамочка, ну нет же папы, папа умер, – уговаривала ее Ниночка. Настя оттолкнула дочку:

– Что ты говоришь, негодница?! Вот же он, пришел! Не видишь, что ли?

На крики прибежала Дуся. Поняв, что происходит, быстро увела детей к себе домой. Иван побежал за врачом.

В тот же день Настю увезли в больницу.

Глава 13. Пришла беда, отворяй ворота

Вернулась Настя только через две недели, вся какая-то погасшая, почерневшая лицом, но спокойная, осознавшая тот факт, что Геши больше нет на белом свете, что никогда он не переступит порога их дома, не обнимет ее, не назовет своею птахой. Отныне суждена ей горькая вдовья судьбинушка, одной ей поднимать четверых детей. Голодные детские глаза, отчаянное положение оставшейся без единственного кормильца семьи, заставили ее выкарабкаться из безумия. Не время было горевать, надо было выживать.

Шла весна 1933 года... Голод расползлся по стране. В Аргаяше появились изможденные, оборванные люди, немногие, кому удавалось добраться сюда из Поволжья. Они рассказывали страшные вещи о вымерших деревнях, в которых не осталось сначала домашней скотины, потом собак и кошек, а затем и людей. Шепотом передавались слухи о том, что осенью у крестьян отобрали и вывезли все зерно по продразверстке. Нечего есть, нечем кормить скотину, а теперь нечего и сеять. Что из города приезжают вооруженные отряды, которые ходят по дворам в поисках припрятанного хлеба, и если что-нибудь удастся найти, вывозят подчистую, обрекая семьи на голодную смерть. С оглядкой рас-

сказывали и совсем уж страшные вещи о крестьянских восстаниях и их расстрелах, о случаях людоедства.

В Аргаяше тоже стало голодно, опустели и закрылись лавки. Людей спасали огороды, рыбалка. Мальчишки ставили силки на птиц. Только теперь это превратилось из забавы в настоящую охоту.

Раньше Георгий, работая на элеваторе, время от времени приносил в специальном мешочке, спрятанном в брючине, немного зерна. Это было очень рискованно, можно было поплатиться не только свободой, но и жизнью, но спасало семью от голода. Теперь угроза голодной смерти нависла над Настей и детьми, лишая ее сна, заглушая боль утраты. Настя и Саня с удвоенным рвением взялись за огород. Дети помогали собирать первые побеги крапивы, лебеды для щей, из смеси травы и остатков муки пекли лепешки. Настя надеялась заработать шитьем, но клиентов не находилось – не до нарядов в лихую годину. Деньги, с таким трудом копившиеся на корову, таяли с каждым днем.

Жаркий июльский день незаметно перетек в душный вечер. Настя, закончив прополку, с трудом разогнула спину, не дойдя до крыльца, присела передохнуть на скамейку под рябинкой. Она задумчиво смотрела на резные листья, на наливающиеся алым цветом гроздья ягод, прислушивалась к детским голосам, доносящимся из открытого окошка. Нина на правах главной маминой помощницы утихомиривала расшалившихся малышей. Ей шел всего-то восьмой

годок, но серьезная и ответственная не по возрасту, она старалась быть опорой для матери взамен ушедшего отца, и малышня слушалась ее. Только Лиза со своим перечливым характером частенько бунтовала. Не раз, когда дело доходило до рева и драки, Настя ставила ее на колени в угол. Лиза отбивала наказание молча, насупившись. И уже Настя, маясь от жалости, сама просила дочку:

– Скажи, что больше не будешь так себя вести, и выйдешь из угла.

Но та упорно продолжала стоять на коленях. Настя улыбнулась, вспомнив, как накануне Веночка подошел и встал на коленки рядом с сестрой.

– Я же наказала только Лизу, тебе не надо стоять в углу, – удивилась Настя.

– А мне тетенку жалко, – заревел карапуз.

– Ишь, заединщики, – усмехнулась мать.

Скрипнула калитка, отвлекла Настю от дум. Дуся подошла и присела рядышком.

– Отдыхаешь? Не помешаю?

– Ну что ты! Хорошо, что зашла. Что-то тебя уж два дня не видно... И я, и дети соскучились. Чем занята была?

– Новости у меня... уж не знаю, как и сказать... Уезжаем мы. Степана Игнатьевича моего переводят на другую работу, в Уфу. На днях и поедем.

Сердце Настино сжалось в комочек. Ближе и надежнее Дуси не было у нее никого, разве что верная Санька.

После отъезда подруги жизнь Насти стала совсем безрадостной и однообразной, наполненной одними заботами, страхами и тоской. А новая беда уже маячила на пороге.

Мелкий, нудный августовский дождик нехотя сеялся из низко плывущих сереньких туч. Настя торопилась закончить работу на огороде, когда залаял, загремел цепью Тигр и за калиткой раздался мужской голос. За штaketником стоял молодой мужчина в косоворотке, круглых очках и с парусиновым портфелем. Настя провела в дом нежданного гостя. Тот присел к столу, оглядел комнату, Настю, притихших детишек, достал и разложил на столе бумаги, прокашлялся:

– Я сотрудник банка. Пришел разобраться, почему уже несколько месяцев вы не погашаете выданную вам на покупку дома ссуду.

Ноги у Насти стали ватными, она опустилась на лавку.

– Но... у меня умер муж, ссуду платил он, а мне не с чего платить. Мне самой не на что жить, не знаю, чем кормить детей. У меня нет денег, чтобы платить банку.

– Я вам сочувствую, но платить придется. Набегают проценты, и долг растет. У вас нет денег, но есть дом. Если вы не в состоянии платить, нам придется продать ваш дом. Но лучше, если вы продадите его сами, и как можно скорее, тогда после погашения долга у вас еще останутся деньги, чтобы как-то устроиться с жильем. Долг-то не такой большой остался... Возможно, кто из родни одолжит нужную сумму?

Оставив на столе бумаги, в которых Настя ничего не по-

нимала, непрощеный гость наконец удалился, а Настя, трясущимися руками собрав их, опрометью бросилась к Сане с Иваном. На семейном совете мозговали и так, и эдак, но другого выхода, кроме продажи дома, так и не придумали. С оставшимися после уплаты ссуды деньгами Настя решила возвращаться в родительский дом. Небось, там отец и братья не оставят ее с детьми без крова. А то Еремей с Пелагеей приютят, все ж родня. Избу их поправить, пристрой сделать, с деньгами-то, да с мужицкими руками можно устроиться. Да и прокормиться в большой семье, со своим огородом, легче. На том и порешили.

Вернувшись в свой двор, Настя окинула взглядом дом, с такой любовью отремонтированный Гешей, баньку, выстроенную его руками, огород-кормилец, скамеечку, помнящую их душевные разговоры, и зарыдала в голос, обняв рябину.

Покупатели нашлись довольно быстро. И то сказать – добротный дом с ухоженным подворьем, да за умеренные деньги. Труднее оказалось найти перевозчика, согласного отвезти Настю с детьми и всем домашним скарбом в далекую Вятскую губернию. Можно было бы ехать поездом, но жалко было бросать все нажитое, всю домашнюю утварь, одежду, посуду, патефон, и главную ценность – швейную машинку. Слишком трудно все это досталось. После долгих поисков возница нашелся в соседнем селе. Звали его Тимофеем. Трудно было определить, какого он возраста. Говорил мужик

мало, но уверенно:

– Кобыла у меня молодая, телега вместительная, опять же, от дождя укрыться – рогожа есть. Ежели сторгуемся – так довезу в лучшем виде.

Из-под кустистых бровей на Настю глянули колючие глаза. Тревожно стало у нее на сердце, однако выбора не было. Лошадей на подворьях почти не осталось.

Иван взял на себя хлопоты с продажей дома, с банком, с оформлением бумаг. Часть денег, оставшихся после выплаты ссуды, Настя отдала Сане, поскольку и ее труда в дом было вложено немало. Оставшиеся кредитки завернула в тряпицу и спрятала в лифчик.

Наступил день отъезда. Сереньким, ветреным сентябрьским утром груженная подвода выехала с родного подворья. Усыпанная красными ягодами рябина печально махала ветвями им вслед. Настя шагала по грязной дороге рядом с подводой. Перед поворотом последний раз оглянулась на дом, в котором прошло столько счастливых, полных надежд дней. Теперь он стал чужим. Другие дети будут бегать по двору, качаться на качелях, поставленных Георгием. Чужие голоса, чужой смех будут раздаваться в доме. Другие люди будут провожать закат, сидя на их лавочке.

Настя вытерла слезы и поспешила за подводой. Дети, как стайка нахохлившихся воробьев, молча сидели на вещах. Галочка крепко прижимала к груди любимую, уже порядком потрепанную куклу. Рядом с Настей шли Иван и Саня. Жи-

вот золовки заметно округлился, и она тяжело опиралась на руку мужа.

Вот и околица. Последнее прощание, последние слова и слезы, последние поцелуи. Настя села на подводу и долго глядела на оставшихся на обочине родных ей людей, пока дорога не повернула в лесок. Вот и все. Всего полгода назад она была мужней женой, хозяйкой дома, рядом были родня, надежная подруга. Но все рассыпалось, утекло, как песок сквозь пальцы... Нет больше любящего мужа, нет у нее дома, нет подруги, родные далеко. Нет даже права лить слезы – четыре пары испуганных глазенок смотрят на нее с надеждой.

Теперь она осталась один на один со своей судьбой.

Глава 14. Кизнер

Подвода неспешно катилась по тракту. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь поредевшую золотисто-багряную листву, плясали яркими островками на дороге, на рыжей шкуре лошади. Шел пятый день пути. Дети, набегавшись, спали под мерное поскрипывание оси да позвякивание ведра, привязанного под телегой. Настя шагала рядом с подводой, и ей казалось, что придется плестись по пыльному тракту вечно. Она надеялась добраться до родных Пустынников дня за четыре, но Тимофей берег свою коняку (так он называл лошадь), и путешествие затянулось. Большую часть пути возница шел рядом со своей кормилицей, ведя ее под уздцы. Он неодобрительно поглядывал на Настю, когда та, устав, садилась на подводу. Тимофей ничего ей не говорил, но взгляд исподлобья заставлял женщину вновь спрыгивать на дорогу. Так и плелись практически пешком. Благо, погода держалась сухая и теплая – бабье лето припозднилось.

А детям путешествие не надоедало. Выспавшись, они бежали вдоль обочины, то зависая кучкой над каким-нибудь жучком, то затевая игру в догонялки. Мимо часто проносились грузовики, проезжали телеги. Настя тревожилась за детей, но их ведь не привяжешь к подводе, как домашний скраб.

На ночевку просились еще засветло в какой-нибудь при-

дорожный дом: после наступления сумерек никто не отважился пускать странников в свой двор. Настя, заплатив Тимофею задаток, не рассчитывала, что ей придется расплачиваться за ночлег и еду не только за себя и детей, но также и за возницу с лошадьёю, но спорить с ним в дороге не решалась. Деньги, отложенные на проезд, быстро растаяли, приходилось вновь и вновь залезать в заветный сверток. Тревога Насти росла с каждым днем, а Тимофей не спешил. Днем он делал остановки, давая «коняке» возможность попасть на травке, а сам дремал в тенечке. Настя терпела – лишь бы довез до места. Кроме Тимофея да припрятанного у него под сидением нагана, не было у них защиты в дороге.

Увидев утром пятого дня верстовой столб Вятской губернии, Настя воспрянула духом. Ну вот и Вятчина, родная земля. Еще день, много два, пути, и они в родном доме. Ей казалось, что там все изменится. Душа, устав от горя, оживала робкими надеждами. Дорога плавно поднялась на невысокий пригорок, и перед глазами путников раскинулись холмистые дали, бескрайние луга с чернеющими сквозь прощальное золото листвы перелесками, изгиб реки, убегающей за гряды холмов, а над всем этим высокое, бескрайнее небо, бледное, словно вылинявшее, с плывущими высоко-высоко расчесанными кудельками облаков. И воздух здесь был особый, дышалось легко, привольно. Дети прекратили возню. Стих, не успев разгореться, конфликт между Лизой и Веней. Они во все глаза смотрели вокруг. Даже двухлетняя Галочка

примолкла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.